

Н.И. Пушина, Н. В. Маханькова, Е.А. Широких

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
НЕУДАЧИ И КОНФЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИКАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**Ижевск
2025**

Министерство науки и высшего образования Российской
Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра теории языка, межкультурной коммуникации
и зарубежной литературы

Н.И. Пушина, Н.В. Маханькова, Е.А. Широких

**КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ
И КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ
КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Монография

Ижевск
2025

УДК 81'271
ББК 81.006
П911

Рецензенты: д-р филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» **Л.А. Юшкова**,
д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Ижевская государственная медицинская академия» **Т.А. Снигирёва**.

Под редакцией: Н.И. Пушиной

Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А.

П911 Коммуникативные неудачи и конфликты в современном коммуникационном пространстве : монография / Н.И. Пушина, Н.В. Маханькова , Е.А. Широких , под ред. Н.И. Пушиной. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 164 с.

ISBN 978-5-4312-1276-5

DOI 10.35634/978-5-4312-1276-5-2025-1-1647

В книге рассматриваются вопросы речевой конфликтологии и смежных с ней наук. Особое внимание уделяется коммуникативным неудачам и конфликту в современном коммуникационном пространстве. Прикладной аспект работы сосредоточен на межкультурной коммуникации. Отдельный раздел работы посвящен генезису конфликта – его зарождению и развитию, месту языкового конфликта и его роли в общей теории конфликта.

Предназначена для студентов, аспирантов, специалистов в области конфликтологии, речевого конфликта, психологии, лингвистики.

УДК 81'271
ББК 81.006

ISBN 978-5-4312-1276-5

DOI 10.35634/978-5-4312-1276-5-2025-1-1647

© Пушина Н.И., Маханькова Н.В.,
Широких Е.А., 2025
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»,
2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава I. Конфликт: эволюция научных воззрений.....	13
Глава II. Современное коммуникационное пространство и его конфликтогенный характер	43
Глава III. Коммуникативные неудачи и конфликты в межкультурной коммуникации	97
Список источников и использованной литературы	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все конфликты в мире и в душе человека проходят через его сердце и возвращаются к нам осмысленными и понятными. А то, что понятно, уже не так страшно.

Э. Фромм

Конфликт в разных сферах жизнедеятельности общества, в том числе и коммуникационной, уже достаточно давно и активно привлекает внимание исследователей самых разных направлений: психологов, социологов, философов, юристов, лингвистов, специалистов по военным наукам и др. Сформировались отдельные науки, изучающие конфликт: конфликтология, лингвоконфликтология, речевая конфликтология, юрислингвистика, лингвоюриспруденция и т.д. Возросший интерес к проблеме конфликта объясняется не только усилением социальной напряженности в современном обществе, увеличением ее деструктивного потенциала, но и растущим в современном мире количеством кризисов, конфликтов, милитаризующих общество и подталкивающих мир к новой войне.

Под конфликтом (от лат. *conflictus* – «столкновение») понимается ситуация, в которой происходит столкновение двух сторон по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, позиций, мнений, в результате которого одна из сторон сознательно и активно действует в ущерб другой, а вторая

сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов, предпринимает ответные действия против первого участника.

На современном этапе появилась необходимость в исследовании языковой стороны конфликта, поскольку масштабы отдельных конфликтов и их последствия неуклонно возрастают вследствие отмечаемых в обществе изменений (в том числе и деструктивных) и отражаются в языке коммуникативными нарушениями, сбоями, провалами, дефектами, неудачами, конфликтами, возникающими в процессе естественного общения.

Языковые конфликты понимаются как столкновение между сообществами людей, в основе которых лежат те или иные проблемы, связанные с языком. Языковые конфликты могут возникать по ряду социальных, политических и иных причин [Словарь социолингвистических терминов 2016, с. 276]. Важным в связи с этим является изучение языковых конфликтов в полиэтнических государствах и последствий, к которым они приводят, разработка типологии языковых конфликтов с учетом языковой политики в решении национально-языковых проблем.

Конфликт в речи (речевой конфликт) – это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в процессе которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами [Якубович 2011]. Речевые конфликты исследуются речевой кон-

фликтологией – областью лингвистики, предметом изучения которой являются деструктивное общение и проблемы нормализации речевого поведения носителей языка.

По данным недавних исследований в области конфликтологии [см., напр., Анцупов, Баклановский, Прошанов 2023], за последние несколько лет значительно выросло количество работ, посвященных проблемам конфликта, конфликтогенным ситуациям в разных сферах жизнедеятельности общества (диссертации, статьи, монографии, брошюры и т.д.), многие из них направлены и на теоретическое осмысление вопросов конфликтологии на междисциплинарном уровне.

Наше внимание к вопросам речевой конфликтологии было обусловлено необходимостью разработки образовательной программы по профилю «Теория и практика межкультурной коммуникации» и одной из важнейших дисциплин профиля – «Речевая конфликтология: теория и практика». Межкультурная коммуникация как общение, как диалог с представителями разных культур во множестве случаев отмечена коммуникативными неудачами и конфликтами, возникающими в процессе естественного диалогического общения, рассматриваемыми в сфере речевой конфликтологии. Считается, что контакт и конфликт – ключевые категории межкультурной коммуникации [Зинченко, Зусман и др. 2010]. Поэтому умение коммуницировать предполагает не только нормы и правила поведения, определенный дискурсивный стиль – «манеру речи», языковые знания (языковые средства), с помощью которых оформляются коммуникативные намерения

в определенной ситуации общения, другие аспекты, но и внимание к факторам, создающим конфликтность общения (ситуативные, контекстуальные, продуктивные и рецептивные, ритуализация, нарушение этических норм, чрезмерная варваризация, нивелировка прагматических характеристик речи, усечение предложения, недоговоренность, ошибочная семантизация и, как следствие, ошибочное употребление лексической единицы и т.д.), и к факторам, способным минимизировать, разрешить, устранить коммуникативный конфликт и вместе с этим правильно организовать эффективное речевое воздействие в период развития конфликта и продемонстрировать наилучший способ противостояния коммуниканта языковому манипулированию оппонентов.

В процессе изучения коммуникативных неудач и конфликтов в межкультурной коммуникации авторами монографии были изданы учебные пособия: Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А. Речевая конфликтология: коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2015. – 164 с.; Пушина Н.И., Маханькова Н.В., Широких Е.А. Анатомия речевого конфликта и коммуникативных неудач: практикум. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – 184 с. Кроме того, был создан русско-английский словарь по конфликтологии: Леонов Н.И., Маханькова Н.В., Пушина Н.И., Широких Е.А. Русско-английский учебный словарь по конфликтологии: учебное пособие. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017, который

был отмечен Дипломом Лауреата конкурса «Гуманитарная книга – 2017» в номинации «Психология» (2018 г.). Учебное пособие «Анатомия речевого конфликта и коммуникативных неудач: практикум» получило Диплом Победителя конкурса «Гуманитарная книга – 2022» в номинации «Языкознание» (2023 г.). Вопросы речевой конфликтологии рассматривались авторами и в целом ряде научных публикаций и выступлений на научных конференциях всероссийского и международного уровней.

Настоящая книга композиционно складывается из трех глав. Глава I посвящена теории (генезису) конфликта, месту языкового конфликта в общей теории конфликта и предвещает собственно исследование коммуникативных неудач и конфликтов в современном коммуникационном пространстве, указывая на то, что история человечества богата разного рода конфликтами, которые охватывали целые страны и народы. Конфликты возникли с появлением первых человеческих сообществ, как неизбежность конфронтаций в общественной жизни. Приводится подробный анализ разных взглядов и подходов к интерпретации конфликта на всем протяжении истории человечества. Особое внимание уделяется отечественной школе конфликтологии, которая развивалась ускоренными темпами в постсоветский период во взаимодействии с социальной психологией, социологией, политологией, другими научными областями и речевой конфликтологией, появление которой обусловлено повышенным интересом исследователей к коммуникации и антропоцентричности (Н. В. Маханькова).

В главе II рассматривается современное коммуникационное пространство и его конфликтогенный характер. Отмечается, что современное коммуникационное пространство, где люди взаимодействуют друг с другом, обмениваются сообщениями, координируют действия, составляет большую часть информационного пространства, отличается особой сложностью, обусловленной поликомпонентностью его содержания, включающей и информирование, и понимание. Рассматриваются понятия коммуникативного пространства, коммуникативного пространства человека, коммуникативного пространства конфликта, коммуникационного пространства, отличающегося гетерогенностью, многомерностью, многослойностью, определенной самоорганизацией, глобальностью при виртуализации коммуникационных процессов информационными технологиями.

Конфликтогенность как неотъемлемая черта современного коммуникационного пространства обусловлена целым рядом факторов, процессов и тенденций, наблюдаемых в обществе: милитаризация языка как ответ на растущее количество кризисов и конфликтов в обществе, в том числе военных, вопросы лингвистической безопасности, связанные как с обеспечением безопасности самого языка, так и его роли в обеспечении других видов безопасности, конфликтная языковая личность, нарушение паритетности общения, низкий уровень культуры диалога и др. (Н. И. Пушина).

В главе III анализируются коммуникативные неудачи и конфликты в конкретном типе коммуникации – межкультур-

ной коммуникации, являющейся специфической формой деятельности. Приводится разветвленная типология коммуникативных неудач, отмечается роль ситуационного и социокультурного контекстов как источников коммуникативных неудач, уделяется внимание диалогическому общению и, в целом, проблеме диалога культур, разного рода коммуникативным стратегиям, экстралингвистическим факторам. Особое внимание уделяется понятию интерференции (как вербальной, так и невербальной) в межкультурной коммуникации, которая ведет к недопониманию взаимодействующих сторон, к неприятным впечатлениям и разрыву коммуникации (Е. А. Широких).

Подводя итоги достаточно длительному периоду изучения коммуникативных неудач, сбоев, конфликтов в современном коммуникационном пространстве, хотелось бы вновь обратить внимание на серьезность и сложность данной проблемы в разных коммуникационных группах и в межкультурной коммуникации, в особенности. Конфликты, связанные с незнанием чужой культуры, с пренебрежением к ее особенностям, со стремлением ее отмены, неумением коммуницировать, с отсутствием элементарных навыков коммуникации, с отсутствием уважения к личности, взрывоопасны. «Возможно, конфликт является отцом всех вещей, то есть движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» (Р. Дарендорф).

Авторы книги выражают надежду на то, что она вызовет и научный, и практический интерес и будет способствовать продолжению исследований в столь актуальном направлении.

ГЛАВА I.

КОНФЛИКТ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ

Современный меняющийся мир, переживая колоссальные изменения в социальной, экономической, политической и культурной сферах, повышение уровня взаимодействия между странами, сталкивается с разногласиями и конфликтами интересов, неся угрозу общественно-политической стабильности и жизни людей, становясь объективной, жесткой реальностью. История человечества богата разного рода конфликтами, которые охватывали целые страны и народы. Еще в XVIII веке французский философ-просветитель Вольтер считал историю всего лишь реестром преступлений и несчастий человечества, которое за всю известную историю своего существования насчитывает не более двух столетий мирного времени. Немецкий философ XIX века Г. Гегель, создатель системы абсолютного идеализма, полагал, что история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы.

Чтобы понять, возможно ли предотвратить конфликт, минимизировать или управлять им, рассмотрим природу этого явления, толкования понятия «конфликт» в междисциплинарном подходе.

Термин «конфликт» (англ. *conflict*; от лат. *conflictus* – столкновение) широко используется в философии, психологии, социологии, других науках и в быденном сознании. В психологии под конфликтом чаще всего понимается актуализированное противоречие, столкновение противоположно

направленных интересов, целей, позиций, мнений, взглядов субъектов взаимодействия или оппонентов (от лат. *opponentis* – возражающий) и даже столкновение самих оппонентов. Сложности точной дефиниции «конфликта» связаны не только с различиями дисциплинарных подходов, но и с чрезвычайно широким разнообразием самих конфликтов. К обязательным признакам конфликта относят: 1) биполярность противостоящих тенденций как носитель противоречия; 2) активность, направленная на преодоление противоречия; 3) субъектность (наличие носителей, выразителей конфликта).

Анализируя эволюцию научных воззрений на конфликт, следует отметить, что конфликты возникли с появлением первых человеческих сообществ. Представляя собой повседневные явления жизни, они долгое время не являлись предметом научных исследований. В древних источниках, дошедших до нас, нередко встречаются упоминания конфликтов, которые со временем становились более точными и детализированными в связи с изменениями условий жизни и, следовательно, разновидностей конфликтов. Исследователи *античной эпохи* обращали свое внимание на физические, экономические и социальные последствия конфликтов, детально описывали войны, критерии оценки конфликтов подобного рода. Дальнейшее изучение этого явления происходит в Средние века и в Новое время в попытках осмыслить мыслителями-гуманистами сущность конфликта, его деструктивную роль в развитии человечества, целесообразность избегания войны и установления вечного мира. Дошедшие до нас исследования

конфликта *древнего времени* относятся к VII–VI вв. до н. э. Согласно китайским мыслителям того времени источник развития всего существующего заключается во взаимоотношениях положительных (ян) и отрицательных (инь) сторон, присущих материи. Находящиеся в постоянном противоборстве инь и ян приводят к конфронтации их носителей.

Философское учение о противоположностях и их роли в возникновении вещей появляется в Древней Греции. Так, Анаксимандр (ок. 610–547 до н. э.) утверждал, что вещи возникают из постоянного движения единого материального начала («апейрона»), приводящего к выделению из него противоположностей. Далее Гераклит (к. VI – н. V вв. до н. э.) попытался вскрыть причину движения и представить движение вещей и явлений как необходимый, закономерный процесс, который порождается борьбой противоположностей. Борьба всеобща и «все происходит через борьбу и по необходимости», – писал он.

Именно в этот период исследования происходят первые обобщения относительно роли войны как социального конфликта. Если Гераклит рассматривал войну отцом и царем всего сущего, то Платон (ок. 428–348 до н. э.) интерпретирует ее как величайшее зло. Ученый полагал, что некогда существовал «золотой век», когда «люди любили друг друга и относились друг к другу доброжелательно». Однако, даже в таком «идеальном государстве» Платона были воины, готовые выступить в поход в любое время.

Древнегреческий историк Геродот (ок. 490–425 до н. э.), в отличие от Гераклита, утверждал, что «никто настолько не безрассуден, чтобы предпочесть войну миру. В силу того, что во время войны отцы хоронят детей, во время же мира – дети отцов». Философ-материалист Эпикур (341–270 до н. э.) был уверен, что негативные последствия столкновений когда-нибудь вынудят людей жить в состоянии мира.

Признавая неизбежность конфронтации в общественной жизни, философы прошлого предпринимали первые попытки определить критерии «справедливого» и «несправедливого» насилия. Например, Цицерон (106–43 до н. э.) разработал тезис о «справедливой и благочестивой войне», которая ведется для отмщения за причиненное зло, для изгнания из страны вторгшегося врага («О государстве»). Аврелий Августин Гиппонский Блаженный (345–430 н. э.) уточняет условия Цицерона, выделяя «справедливость намерений» ведущего войну. Его рассуждения о войне и мире, изложенные в работе «О граде божьем», звучат актуально даже сегодня: «... люди, которые нарушают мир, не ненавидят его как таковой, а хотят лишь другого мира, который отвечал бы их желаниям...» [Августин, Анцупов 2016].

Эволюция научных представлений о понятии «конфликт» продолжалась и в *средние века*. Так, итальянский философ и теолог, самый известный ученик Альберта Великого, получивший почетный титул «Учитель Ангелов», Фома Аквинский (1225–1274 гг.), развивая мысли о допустимости войн в жизни общества, определил еще одно условие справедливой

войны: для нее должна быть «авторизованная компетенция», т. е. санкция со стороны государственной власти. Хотя в целом, по его мнению, «война и насилие являются всегда грехом».

Первые попытки системного анализа социальных конфликтов приписывают флорентийскому теоретику и государственному деятелю Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.). Впервые великий ученый средневековья отходит от господствовавших тогда божественных взглядов на источники общественного конфликта и считает его универсальным и непрерывающимся состоянием общества ввиду порочной природы человека, стремления различных групп людей к постоянному материальному обогащению. Н. Макиавелли, отрицательно относившийся к дворянству, считал знать, сосредоточивающую в своих руках всю полноту государственной власти, одним из источников социального конфликта. Однако, помимо разрушительной силы, Макиавелли видел в конфликте и его созидательную природу. Для ослабления негативной роли конфликта целесообразно правильно воздействовать на него. По мнению великого ученого, именно государство призвано осуществлять эту миссию.

Великий гуманист Эразм Роттердамский (1469–1536 гг.) справедливо заметил, что «война сладка для тех, кто ее не знает». Исследователь отмечал наличие собственной логики начавшегося конфликта, который разрастается подобно цепной реакции, вовлекая в орбиту своего влияния все новые слои населения и страны. Описывая причины войн, философ отмечает низменные и корыстные качества правителей, кото-

рые ввергают народы в войны. Свое могущество такие правители ощущают, лишь разрушая согласие в народе, а когда это согласие нарушено, они втягивают и вовлекают народ в войну, чтобы еще свободнее и легче грабить и истязать несчастных людей.

Рассуждения о конфликте выдающегося голландского ученого-юриста Гуго Гроци (1583–1645 гг.), допускавшего возможность войны между суверенными государствами, в которой обе стороны убеждены в собственной правоте, заложили теоретическую основу для позднейшего понятия нейтралитета.

Исследуя природу конфликта, ученые пытались выяснить порождающие его причины. Так, английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626 гг.) подверг основательному теоретическому анализу систему причин социальных конфликтов внутри страны, выделив в качестве главной бедственное материальное положение народа. Среди других причин конфликта исследователь указывал: пренебрежение государями мнений сената и сословий, политические ошибки в управлении, распространение слухов и кривотолков, а также «пасквили и крамольные речи».

Один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета, английский философ, известный идеями, получившими распространение в таких дисциплинах, как этика, теология, физика, геометрия и история, Томас Гоббс (1588–1679 гг.) обосновал в «Левиафане» концепцию «войны

всех против всех». Он считал главной причиной конфликта естественное стремление к равенству, которое приводит к возникновению у людей одинаковых надежд, к желанию завладеть теми же объектами, необходимыми для самосохранения или получения удовольствия, что впоследствии неизбежно превращает людей во врагов, порождает соперничество, недоверие и честолюбие [Гоббс].

Исследование конфликта как социального явления в XVIII веке связаны с именами таких ученых как Жан-Жак Руссо, Адам Смит, Иммануил Кант, Георг Гегель, Карл Клаузевиц и многих других.

Идеи Жан-Жака Руссо (1712–1778 гг.) об этапности всемирного исторического процесса получили большое распространение в данный период развития представлений о понятии «конфликт». Изначально существует «естественное состояние», когда люди свободны и равны, развитие цивилизации способствует утрате состояния равенства, свободы и счастья, и только заключив «общественный договор», люди могут обрести утраченную гармонию общественных отношений, «вечный мир» и согласие. Согласно Ж. - Ж. Руссо, общественный договор возможен под жестким контролем народа, так как министры заинтересованы в войнах.

Конфликт как *многоуровневое социальное явление* впервые представлен в труде Адама Смита (1723–1790 гг.) «Исследования о природе и причинах богатства народов», в котором он указывает на то, что деление общества на классы (капиталисты, земельные собственники, наемные рабочие) и эко-

номическое соперничество лежит в основе конфликтов. Противоборство между классами А. Смит рассматривал как источник поступательного развития общества, а социальный конфликт, следовательно, как определенное благо человечества. Интересны идеи относительно природы конфликтов, высказанные немецким философом Иммануилом Кантом (1724–1804 гг.), который считал, что «состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны, т. е. если и не непрерывные враждебные действия, то постоянная их угроза». Следовательно, согласно философу, невозможно гарантировать мир между государствами при отсутствии устойчивых правовых связей. Установление состояния мира возможно осуществить, опираясь на принципы мудрых законов, определяющих для всех права и обязанности, высокую нравственность и справедливость.

Главная причина конфликта согласно немецкому философу Георгу Гегелю (1770–1831 гг.), заключается в социальной поляризации между «накоплением богатства», с одной стороны, и «привязанного к труду класса», с другой. Являясь сторонником сильной государственной власти, философ выступал против беспорядков внутри страны, расшатывающих государственное единство. По мнению И. Канта, государство представляет интересы всего общества и обязано регулировать конфликты.

Знаменитая формула «война есть продолжение политики другими средствами» принадлежит прусскому военному тео-

ретику Карлу Клаузевицу (1780–1831 гг.), который определил природу международного военного конфликта. На протяжении всей истории международные военные конфликты являлись не биологической неизбежностью, не отклонением от нормы в курсе той или иной державы или проявлением своей нравности монарха, а закономерным развитием тех процессов, которые шли внутри государств и на мировой арене до перерастания их в конфликт.

Проблема борьбы за существование занимала главное место в трудах английского биолога Чарльза Дарвина (1809–1902 гг.). Содержание его теории биологической эволюции изложено в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859 г.). Развитие живой природы осуществляется в условиях постоянной борьбы за выживание, что и составляет естественный механизм отбора наиболее приспособленных видов. В дальнейшем взгляды Ч. Дарвина получили развитие в некоторых социологических и психологических теориях конфликта [Анцупов 2016].

Одним из основоположников общей теории конфликта был Карл Маркс, создавший учение о противоречии и развивший модель революционного класса и социального изменения. В дальнейшем основные положения его учения о конфликте сформулировал американский социолог Дж. Тернер, создав диалектическую и функциональную теорию конфликта.

Основания для конфликтов существуют в любом обществе, но социальные структуры различаются по дозволенным способам выражения антагонистических требований. «Возможно, конфликт является отцом всех вещей, то есть движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной», – писал известный английский и немецкий социолог и идеолог либеральной ориентации Ральф Дарендорф. По мнению Р. Дарендорфа, конфликты могут быть более или менее интенсивными и более или менее насильственными, но их регулирование является решающим средством уменьшения насильственности; регулирование конфликтов делает их контролируруемыми, «и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [Дарендорф 1994].

Становление конфликтологии как науки берет свое начало в середине XX века с появлением труда немецкого и американского социолога Льюиса Козера «Функции социального конфликта» [Козер 2000], основывающегося на выводах немецких философов и социологов Георга Зиммеля и Ральфа Дарендорфа.

Главный тезис Г. Зиммеля, разделяемый Льюисом Козером, заключается в том, что конфликт является формой социализации. «Конфликт, так же как и сотрудничество, обладает социальными функциями. Определённый уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, но является существенной составляющей как процесса становления группы, так и её устойчивого существования» [Зиммель 2006].

Георг Зиммель писал: «Одни только филистеры могут полагать, что конфликты и проблемы существуют для того, чтобы быть разрешёнными. И те, и другие имеют в обиходе и истории жизни ещё другие задачи, выполняемые ими независимо от своего собственного разрешения. И ни один конфликт не существовал напрасно, если время не разрешит его, а заменит его по форме и содержанию другим». Таким образом, он выдвинул концепцию конфликта как «защитного клапана»: конфликт служит клапаном, высвобождающим чувство враждебности, которое, не будь этой отдушины, взорвёт отношения между антагонистами. Конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает; часто конфликт необходим для её сохранения. Конфликт служит установлению и поддержанию самотождественности и границ обществ и групп. Функция конфликта, по Козеру, заключается в установлении и поддержании групповой идентичности, а конфликт с другими группами способствует упрочению идентичности группы и сохранению её границ в отношении окружающего социума. То есть конфликт выполняет группосохраняющую функцию в той мере, в какой регулирует системы отношений [Зиммель 2006, с.79].

В истории изучения конфликта в западной социологии выделяются три этапа: 1) вторая половина XIX века – социалдарвинизм (Г. Спенсер и др.), описавший проявления социальной борьбы при столкновении интересов, унаследованных норм и новых идей, привлёкшие внимание к проблеме конфликта, и теория Маркса, где классовый конфликт рассматри-

вался без теоретического анализа его разнообразных поведенческих форм; 2) первая половина XX века – функциональная теория конфликта (Г. Зиммель) и структурный функционализм (Т. Парсонс), ставивший задачу найти эффективные методики разрешения конфликтных ситуаций в организациях, на производстве. При этом конфликты оценивались как негативные процессы, сдерживающие развитие общества; 3) вторая половина XX века – теория позитивно-функционального конфликта (Л. Козер), конфликтная модель общества (Р. Дарендорф), общая теория конфликта (К. Боулдинг), рассматривавшая конфликт в виде всеобщей категории, присущей всему живому и неживому миру, служащей базой для анализа любых процессов.

Начало XX столетия ознаменовано особым интересом исследователей к психологической стороне конфликта, его внутриличностным и социальным аспектам, сформировавшим следующие научные направления: психоаналитическое (З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм), социотропное (У. Мак-Дугал, С. Сигеле и др.), этологическое (К. Лоренц, Н. Тинберген), в рамках теории групповой динамики (К. Левин, Д. Креч, Л. Линдсей), фрустрационно-агрессивное (Д. Доллард, Л. Берковитц, Н. Миллер), поведенческое (А. Басс, А. Бандура, Р. Сирс), социометрическое (Д. Морено, Э. Дженигс, С. Додд, Г. Гурвич), теоретико-игровое (М. Дойч); по теории организационных систем (Р. Блейк, Дж. Мутон), по теории и практике переговорного процесса (Д. Прюитт, Д. Рубин, Р. Фишер, У. Юри) и другие [Анцупов 2016].

В отличие от психологии и социологии, где концепции конфликта стали уже классическими, в политологии собственно конфликтологические теории выделить сложно. Правомернее говорить о взглядах политологов на роль конфликтов в обществе и на управление политическими конфликтами. Политологические исследования конфликта связаны с направлениями: теории политических групп (В. Парето и Г. Моска, Ж. Сорель, Ф. Оппенгеймер, А. Бентли), теории политической стабильности (Дж. Блондел, Д. Истон, С. Липсет, Д. Сандерс) и этнополитические теории (И. Гектер, Т. Нейрн, Дж. Ротшильд) [Анцупов, Баклановский 2023].

У истоков *отечественной конфликтологии* как науки стояли такие исследователи как А. Я. Анцупов, В. В. Дружинин, В. Н. Кудрявцев, Д. С. Баклановский, Н. В. Гришина, А. А. Ершов, Б. В. Коваленко, А. Н. Сухов и др., выделившие общие и особые характеристики конфликтов. А. Я. Анцупов, Е. Н. Богданов, А. В. Глухова, Н. В. Гришина, О. Н. Денисов, С. Н. Емельянов, В. Г. Зазыкин, А. К. Зайцев, Б. В. Коваленко, В. В. Козлов, А. И. Шипилов и другие ученые заложили основы методологии и теории общей и прикладной конфликтологии и психологии конфликтов.

Конфликтология, как относительно самостоятельная наука, существует в России с начала 1990-х гг., представляя до этого времени лишь фрагментарный характер без обобщающих работ по формированию теоретической базы [Анцупов, Шипилов 2016; Анцупов, Прошанов 2018].

В развитии *отечественной конфликтологии* выделяется три этапа исследований:

Первый этап – до 1924 г. Конфликт изучается в рамках философии, права, военных наук, психологии, но не выделяется как самостоятельное явление.

Второй этап – 1924 – 1989 гг. Конфликт начинает изучаться как самостоятельное явление в рамках сначала двух (правоведение, социология), а затем одиннадцати наук, но междисциплинарных исследований практически нет, хотя интенсивность исследований постепенно увеличивается. Этот этап включает четыре фазы. Первая фаза (1924–1934 гг.) – появляются первые работы по проблеме конфликта в правоведении, социологии, психологии, математике, социобиологии. Вторая фаза (1935–1948 гг.) – исследования в области конфликта прерываются вследствие начавшейся войны и обстановки в стране в целом. Третья фаза (1949–1972 гг.) – начинаются исследования конфликта как самостоятельного явления в философии, педагогике, исторических и политических науках, защищаются первые кандидатские диссертации. Четвертая фаза (1973–1989 гг.) – исследования конфликта переносятся в область искусствоведения, математики, педагогики.

Третий этап – (1990 – по настоящее время) – появляются первые междисциплинарные исследования, конфликтология начинает выделяться в самостоятельное учение, наблюдается резкое увеличение ежегодного количества публикаций, создаются центры, группы по исследованию и регулированию конфликтов [Леонов 2006].

Анализируя вклад ученых в развитие отечественной конфликтологии, Ю. В. Шильцова отмечает, что в советский период становления отечественной науки, доминирующее положение занимала «теория бесконфликтности» [Шильцова 2020]. Несмотря на наличие конфликтов, информация о них утаивалась, они «загонялись внутрь», в результате по теории конфликта в советский период отсутствуют научные исследования.

Благодаря совместным исследованиям отечественных конфликтологов утверждалась необходимость смены парадигмы бесконфликтности, раскрывалась роль конфликтологии как теории разрешения противоречий общества, обосновывались общие методологические ориентиры экспертизы, прогнозирования и регулирования социальных конфликтов, уточнялась природа конфликтов и механизмов их развертывания.

Русская психологическая наука всегда характеризовалась глубоким интересом к внутреннему миру человека, к духовному измерению его существования [Вахнина и др. 2019]. Тем не менее, развиваясь на стыке социологии и психологии, затрагивая многие другие науки, конфликтология, как система знаний о закономерностях, механизмах возникновения и развития конфликтов, а также о принципах и технологиях управления [Вахнина и др. 2019], является одной из самых молодых научных дисциплин.

Формулируются понятия *конфликтного потенциала общества*, его *социальной напряженности* и *уровня толерантности*. Ценность конфликтов связывается с их ролью в профессиональной деятельности в сфере науки, медицины, су-

дебной практике, спорте и т. д. Однако масштабы последствий деструктивных конфликтов возрастают, а роль конструктивных конфликтов сравнительно мало исследована [Сухов 2022].

Анализируя нормативно-оценочный подход к конфликту, следует отметить, что он претерпел существенные изменения в ходе своего развития. Так, если первые исследования природы конфликта были нацелены исключительно на негативные стороны этого явления и стремление избежать конфликта, последующие работы допускают *положительное влияние конфликта*, его конструктивное начало: появляются идеи о неизбежности и функциональной значимости конфликта, направленного на интенсификацию самопознания и социального познания, минимизирования личностной напряженности; развитие мотивационно-потребностной сферы; создание предпосылок для личностного роста и т. д. Позитивное влияние конфликта в группе проявляется в поляризации и развитии мнений; повышении сплоченности; повышении эффективности группового взаимодействия; ослаблении внутригрупповой напряженности и пр. Все большее понимание находят идеи о неизбежности и функциональной значимости конфликта.

Негативное влияние конфликта на личность может проявиться в повышении личностной напряженности; снижении самооценки, снижении эффективности деятельности (вплоть до деструкции), возникновении острых эмоциональных переживаний, ухудшении психической и социальной адаптации и пр. Негативное влияние на группу проявляется в отрицательной *групповой динамике*, повышении внутригрупповой

напряженности, ухудшении общения, снижении эффективности совместной деятельности. Кроме того, конфликты могут оказывать положительное и отрицательное влияние на межгрупповое взаимодействие. Тем не менее «хороший конфликт» – это вовремя и правильно разрешенный конфликт [Большой психологический словарь 2009].

В постсоветский период конфликтология развивалась ускоренными темпами, расширяя предметную область за счет разработки новых подходов к пониманию конфликта и акцентирования внимания на разработке их типологии: социальные, межличностные, внутриличностные (мотивационные, когнитивные), межгрупповые, кратковременные, затяжные, семейные, производственные, школьные, этнические, религиозные, генерационные, военные, деструктивные, конструктивные, стабилизирующие и др.

В современных условиях исследователи оперируют *двумя подходами к пониманию конфликта*. В первом конфликт определяется как столкновение сторон, мнений, сил, то есть весьма широко. Понятия «конфликт» и «противоречие» фактически становятся сопоставимыми по объёму. Второй подход заключается в понимании конфликта как столкновения противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия. Здесь предполагается, что субъектом конфликтного взаимодействия может быть либо отдельный человек, либо люди и группы людей.

В рамках указанных подходов особо выделяются *межгрупповой* и *межличностный* конфликты. *Межгрупповой конфликт* – тип конфликтов, в котором в качестве субъектов взаимодействия выступают не отдельные индивиды, а *группы*. Можно говорить о конфликтах между малыми, большими (в частности, религиозными, классовыми, этническими и др.), формальными, неформальными и т. п. группами. В строгом смысле к *межгрупповым конфликтам* относятся и те конфликты между отдельными людьми, в которых они выступают как представители и выразители позиций своих групп.

В классических экспериментах М. Шерифа и др. (1950 гг.) показано, что само сосуществование различных социальных группировок не обязательно приводит к развитию конфликтных отношений между ними. Групповые стереотипы (гетеростереотипы и автостереотипы), воспринимаемые членами групп, отличия своей и чужой групп (в т. ч. социальные, культурные, внешние физические и др. отличия) чаще всего не являются необходимым условием межгруппового конфликта, но могут существенно усиливать уже возникшую враждебность. Однако теоретически обосновано и практически доказано противоположное мнение: уже сам факт номинального разделения людей на группы (даже при отсутствии более или менее тесных отношений между ними) может порождать, с одной стороны, *внутригрупповой фаворитизм* и, с другой стороны, дискриминацию по отношению к членам чужой группы (Г. Тэджфел и др.). Такой подход не противоречит и соотносится с более ранним пониманием «природ-

ной» неизбежности межгруппового конфликта, предложенным У. Самнером и З. Фрейдом: враждебность по отношению к чужой группе и ее представителям – ведущее средство сохранения и поддержания внутренней сплоченности, увеличения силы притяжения внутри собственной группы [Психологический словарь].

Как и *межгрупповые конфликты*, *межличностные конфликты* относятся к *социальным конфликтам* и являются их ядром. *Конфликт межличностный* связан с несовпадением взглядов, интересов, целей, потребностей у двух людей в конкретной ситуации и в конкретное время, это противостояние, которое заставляет обе стороны испытывать неприятные чувства и побуждает к активности для разрешения конфликта. Исследование межличностных конфликтов, менее сложных среди других социальных конфликтов, может вскрыть основные причины конфликтного взаимодействия.

В противовес межличностному конфликту *внутриличностный конфликт* рассматривается как выраженное негативное переживание, вызванное затянувшейся борьбой структур внутреннего мира личности, отражающее противоречивые связи с социальной средой и задерживающее принятие решения. При этом важно отметить, что в основе любого конфликта лежит противоречие, которое играет системообразующую роль как для различных видов конфликта, так и для различных уровней их изучения.

Анализируя отмеченные типы конфликтов, следует учитывать такие критерии как:

- время протекания конфликта (*кратковременные и затяжные*);
- характер протекания конфликта (*острый или вялотекущий*);
- признак «субъекта и сферы» (*семейные, производственные, школьные, этнические, религиозные, генерационные, военные*);
- последствия конфликтов как для отдельной личности, так и группы (*деструктивный* – разрушающий установившиеся структуры и функции, индивидуальные и групповые нормы, девальвирующий ценности, углубляющий противоречия проблемной ситуации; *конструктивный* – нацеленный на обновление структуры, овладение новыми функциями, установление новых связей, способствующий жизнедеятельности личности или функционированию организации; *стабилизирующий* – способствующий позитивным результатам, устраняя отклонения, модифицируя уже существующие функции и связи).

Наиболее распространенная типология *внутриличностного конфликта* подразделяет их на *мотивационные* и *когнитивные*. Традиция исследования мотивационных внутриличностных конфликтов восходит к *К. Левину*, который видел в них борьбу одновременно актуализированных противоречивых потребностей. В зависимости от характера сил, формирующих поле и оказывающих воздействие на человека, *К. Левин*

выделял три типа внутриличностных конфликтов: 1) конфликт типа «приближение-приближение» – необходимость выбора между равнопривлекательными, но взаимоисключающими альтернативами; 2) конфликт типа «избегание-избегание» – выбор между двумя равно непривлекательными возможностями; 3) конфликт типа «приближение-избегание» – цель одновременно и привлекательна, и непривлекательна. Внутриличностные конфликты последнего типа могут быть чрезвычайно остры и длительны (например, мучительный и длящийся годами выбор между невозможностью продолжения отношений и страхом одиночества) [Левин 2001].

Когнитивные внутриличностные конфликты связаны со столкновением несовместимых представлений, когниций (создается *теория когнитивного диссонанса*). Внутриличностный конфликт возникает не при любом противоречии между отдельными когнициями, но только тогда, когда *когнитивный диссонанс* затрагивает значимые для личности убеждения и требует реального выбора между двумя возможными вариантами действий – именно в этих случаях диссонанс переживается как серьезная психологическая проблема, требующая ослабления или преодоления конфликта. Один из частных видов когнитивного внутриличностного конфликта – диссонанс между знанием о принятом решении и неуверенностью в его правильности [Мещерякова 2010].

Эволюция представлений о конфликте способствовала созданию семи моделей конфликта (*арбитраж, прямые переговоры, переговоры при помощи посредника, консультирова-*

ние, давление, примирение (*миротворчество*), представительство (*адвокат*)), определению типов конфликтогенов, систематизации стадий конфликтов (*предконфликтная, стадия развития конфликта, стадия разрешения, послеконфликтная*), определению стратегий и стилей разрешения конфликтов (*стиль конкуренции, уклонения (избегания), приспособления, компромисса, сотрудничества*), выявлению правил по эффективному разрешению конфликтов и норм поведения [Хасан 2004].

Начало ХХІ века знаменуется становлением единой теории конфликта (ЕТК), направлением теории анализа и разрешения конфликтов, интенсивно развиваемой петербургским исследователем д. филос. наук В. А. Светловым. Теоретический базис ЕТК образует универсальная модель конфликта – обобщающее все виды нелогических противоречий, определение конфликта вместе с множеством теорем о его свойствах и свойствах его альтернатив – синергизма и антагонизма. Объединение универсальной модели конфликта с математическим базисом порождает *единую теорию конфликта* в собственном смысле: ЕТК = МБ и УМК, где МБ – математический базис, УМК – универсальная модель конфликта.

Опираясь на ЕТК, ученые, следуя логике своего научного поиска и целям, конструируют рабочую модель конфликта, с её помощью выявляют и оценивают структурные, сетевые, динамические, теоретико-игровые и иные особенности возникновения, развития и разрешения анализируемого конфликта. На данном этапе научного поиска с помощью ЕКТ реша-

ются такие задачи, как: конструирование рабочей модели конфликта, оценка её валидности, выяснение её объяснительных и предсказательных возможностей, разработка стратегий управления разрешением конфликта, эмпирическая проверка полученных теоретических выводов и многие другие.

Люди, управленческие структуры имеют дело с целостными реальными конфликтами, а не с отдельными их психологическими, правовыми, философскими, социологическими и другими аспектами, вот почему современная конфликтология как *междисциплинарная область знания*, изучающая закономерности зарождения, возникновения, развития, разрешения и завершения конфликтов любого уровня [Гришина 2008, с. 165], развивается в тесной связи с философией, социологией, психологией, историей, правом, этикой, экономикой, менеджментом. Исследования конфликта ведутся в самых разных научных областях: военные науки, искусствоведение, математика, педагогика, политология, правоведение, социобиология, психиатрия, лингвистика и ряде других наук.

Большое значение для развития конфликтологии как науки имела *теория речевых актов* (Джон Остин, Джон Сёрль и др.), представление нашей речи как некой координации речепорождения и целеполагания, которое может быть показано как процесс, состоящий из трех отчетливых фаз (локутивная, иллюкутивная, перлокутивная) и теория *прагмалингвистики* (Чарльз Моррис), созданная в середине XX века, в которой язык рассматривается как инструмент коммуникации и действия.

Есть все основания полагать, что сферы исследований конфликта будут и впредь расширяться со временем. Исходя из целей исследования конфликт изучается на трех уровнях: проявление социальной диалектики (*макроуровень*), фактор развития социальной системы и социальных отношений (*мезоуровень*), отражение в психике и сознании людей социальных противоречий и разногласий (*микроуровень*).

В связи с тем, что коммуникативная культура признается реальной ценностью, основным понятием современных наук, связанных с речевой деятельностью, является речевой конфликт, способы гармонизации речевого поведения участников коммуникационного пространства. В настоящее время лингвистика начинает занимать прочное место в теории конфликтологии.

Анализ библиографической информации позволяет выделить основные направления исследования проблемы конфликта в лингвистике: противоречия в языке и речи, конфликт языковых норм, понятийная сущность феномена конфликта, вербализация концепта «конфликт», объективация конфликтов реальности в текстах, языковые маркеры конфликтного потенциала, деструктивные практики конфликта, пути оптимизации общения, правовое измерение лингвистического конфликта, лингвистические способы предотвращения конфликтов.

Научными единицами современных исследований становятся природа и структура межличностного конфликта, основы конфликтной компетентности, мотивы речевых поступков участников конфликтной ситуации; разные социально-психологические роли, приводящие к коммуникативному

напряжению и провоцирующие ситуацию риска, причины коммуникативных неудач, сбоев, коммуникативные сценарии гармонизации речевого поведения с целью оптимизации общения, языковые и речедетальностные средства выражения конфликтного и гармоничного речевого поведения коммуникантов, смысловая структура конфликтно и гармонично маркированных коммуникативных актов (разговорных диалогов) как совокупности речевых действий, совершаемых коммуникантами, лингвистическая безопасность, экологичность и конфликтогенность политического интернет-дискурса, экологическая образовательная среда и др. [Третьякова 2003; Панов 2012; Пушина 2015; Леонов, Маханькова, Пушина, Широких 2017; Маханькова 2018; Пушина, Пушин 2018; Широких 2018; Пушина и др. 2022; Михайлова 2022 Киндеркнехт 2023].

Закономерное появление *речевой конфликтологии* (лингвоконфликтологии) – области лингвистики, изучающей речевой конфликт как явление, при котором одна из сторон сознательно и активно совершает речевые действия в ущерб другой, обусловлено повышенным интересом исследователей к коммуникации и антропоцентричности. Предмет речевой конфликтологии – причины отрицательного коммуникативного взаимодействия, пусковые механизмы конфликтов, функциональные модели речевого поведения. Задачи речевой конфликтологии заключаются в том, чтобы выявить средства и способы, которые коммуниканты используют для обеспечения или разрушения гармоничного общения, определить факторы, обуславливающие зарождение, развитие и разрешение

конфликта, описать маркеры речевого конфликта и сигналы речевой агрессии.

В связи с этим указанные исследовательские аспекты и задачи речевой конфликтологии привели к выработке соответствующих методов, среди которых особое место отводится методу кейсов – методу конкретных ситуаций, ситуационного анализа – специальной технике, использующей описание реальных или приближенных к реальности коммуникативных ситуаций, а также контент-анализу, применяемому для исследования текстов, сопровождающих речевые конфликты; методу моделирования, прагматическому и контекстному анализу и эксперименту.

Результаты исследований в речевой конфликтологии могут использоваться в разных сферах: в лингвистической экспертизе спорных текстов, например, анализ конфликтных ситуаций в журналистских и рекламных текстах, которые становятся объектами исследования лингвистов-экспертов; в профилактике и разрешении речевых конфликтов. Речевая конфликтология имеет прикладную направленность и служит для повышения речеповеденческой культуры носителей языка.

Известно, что коммуникативная ситуация предполагает три варианта исхода в зависимости от типа адресата, демонстрирующего различное отношение к содержанию текста: *пассивное восприятие, активное участие, либо сопротивление воздействию автора сообщения*. Первый обладает проявляющимися в процессе речевого воздействия «нормативными ожиданиями уровня опасений, глубины затрагиваемых мне-

ний и интенсивности употребления языка». Адресат с активным восприятием внушения помогает убедить себя сам. В третьем случае, речевое воздействие со стороны автора может приводить «к изменениям установки, количественно обратно пропорциональным интенсивности воздействия» [Демьянков 1989]. В третьем случае у реципиента возникает внутренний конфликт, который может перерасти во внешний.

В отечественной науке одним из первых исследователей внутреннего конфликта личности был А. Р. Лурия, интерпретирующий конфликт как ситуацию, при которой в поведении индивида сталкиваются «две сильные, но противоположно направленные тенденции» [Лурия 2002]. *Внутриличностный конфликт*, как известно, проявляется в трех сферах: в когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Вызванный противоречиями «внутреннего Я», противоречиями различных мотивов личности и снижением самооценки в когнитивной сфере, внутренний конфликт личности часто сопровождается негативными эмоциями и эмоциональным напряжением, что ведет к созданию общего негативного эмоционального фона общения в поведенческой сфере.

Сегодня коммуникативные (языковые, речевые, лингвистические) конфликты обладают тенденцией перехода в конфликты социального, религиозного, культурного, этнического и т.д. характера¹. Исследователями подчеркивается ответ-

¹ Согласно исследованиям Гейдельбергского института по изучению международных конфликтов, два последних десятилетия (2001–2018 гг.) ха-

ственность современных СМИ, генерирующих коммуникативные конфликты с их последующей эскалацией, приводящей к событиям, драматичным для социума в целом. Междисциплинарный метод «встречного текста» в психолингвистике, позволяющий выявить у адресатов наличие внутреннего негативного эмоционального фона и склонность к конфликтогенности, обладает рядом преимуществ для минимизации или предотвращения коммуникативных конфликтов [Пешкова, Гилязова 2021].

Анализируя динамику представлений о конфликте в научном поле, следует подчеркнуть, что значительно выросло количество исследований (диссертационных в том числе), посвященных проблемам конфликта, опубликовано несколько сотен книг, монографий, брошюр, тысячи статей в журналах и сборниках, направленных на теоретическое осмысление конфликтологии на междисциплинарном уровне. С 2000 г. успешно работает Международная ассоциация конфликтологов.

Эволюция научных воззрений на понятие «конфликт», обзор развития практических знаний о конфликтах в истории России с древнейших времен до наших дней отражается в многочисленных исследованиях (в т. ч. междисциплинарных) по проблеме конфликтов в разных отраслях конфликтологии: военные науки, география, искусствоведение, филология, исторические науки, культурология, медицинские науки,

характеризуются двукратным увеличением числа конфликтов по всему миру [Конфликтология XXI века 2019, с. 26].

педагогика, политические науки, правоведение, психология, социология, физико-математические науки, технические науки, философия, экономика и т. д. Исследователи справедливо отмечают, что лидерство среди наук, изучающих конфликт, принадлежит политологии, что обусловлено возрастающим количеством очагов напряженности в мире, противостоянием различных государств и политических систем.

Кроме того, следует отметить, что заметно расширился понятийный аппарат конфликтологии, представленный многочисленными понятиями. Исследователями отмечается настоятельная потребность в развитии *конфликтологической компетентности* не только профессионалов, но и различных групп населения [Сухов 2021, 2022], в связи с этим были созданы службы по медиации в образовательных учреждениях и на производствах, появились новые специальности: конфликтолог, медиатор. Очевидно, что проблемы межэтнических (межнациональных) конфликтов, проблемы трудовых конфликтов, миграционных конфликтов, социальной напряженности на предприятиях и многие другие будут находиться в поле зрения исследователей в ближайшей перспективе.

За время своего существования отечественная конфликтология сформировала широкое исследовательское пространство с многочисленными научными направлениями и дисциплинами, базирующимися на следующих принципах: междисциплинарности, преемственности, эволюционизма, личностного подхода, необходимости поиска скрытого содержания конфликтов, борьбы со Злом в его конфликтах с Добром.

В современном беспокойном, нестабильном, конфликтогенном мире роль и значение конфликтологии неуклонно возрастают, наполняя речевую конфликтологию новыми смыслами и значениями, ведущими к выработке стратегий и тактик разрешения конфликтных ситуаций и речевых конфликтов.

ГЛАВА II.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЕГО КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

Современное коммуникационное пространство, где люди взаимодействуют друг с другом, обмениваются сообщениями, координируют действия, составляет большую часть информационного пространства и отличается особой сложностью, обусловленной поликомпонентностью его содержания, включающей и информирование, и понимание.

Любая деятельность индивида предполагает наличие некой среды или пространства, в котором она осуществляется. Пространство, в котором происходит данная деятельность, может быть материальным (физическим, кинестетическим) и идеальным (мыслительным, воображаемым). В реальности встречаются как материальные, идеальные, так и смешанные виды пространства, в которых соединяется материальная форма передаваемого сообщения и содержание информации, имеющее идеальную природу [Балезина 2013]. С помощью процессов коммуникации общество создает окружающую среду – информационно-коммуникационное пространство, объединенное едиными формами коммуникативной деятельности и имеющее информационный характер.

Термин «коммуникация» появился в научной литературе в начале XX века и на сегодняшний день, по утверждению американских ученых Ф. Дэнса и К. Ларсона, имеет порядка 126 определений [Dance, Larson 1976]. Автор термина «коммуникация», американский социолог Чарльз Кули, определил коммуникацию как «механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени» [Кули 2009, с. 379]. Коммуникация включает в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени [Кули 2009].

В начале XX века исследование коммуникации носило преимущественно прикладной характер, так как в связи с развитием науки и техники необходимо было обозначить новое для того времени явление объединения разделенных огромными расстояниями людей с разными картинками мира с помощью различных технических достижений, способствующих развитию человеческих отношений.

Анализ результатов Второй мировой войны вызвал интенсивное развитие новых научных направлений, в которых определяющую роль стала играть информация (отметим теорию информации К. Шеннона, нашедшую применение в современных высокотехнологических системах связи; кибернетику Н. Винера, определившего информацию как обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе

приспособления к нему нас и наших чувств, а также науки о языке и др.), способы ее передачи, хранения и т.д. Именно как вид информационного обмена, имеющего свои закономерности, коммуникация сформировалась в самостоятельный объект исследования, определилась ее главная функция – функция передачи информации.

Первая теоретическая модель коммуникации была разработана в 1948–1949 годах К. Шенноном и У. Уивером для *Bell Laboratories / Bell Labs* (Лаборатории Белла – бывшей американской, а ныне финско-американской корпорации, крупного исследовательского центра в области телекоммуникаций, электронных и компьютерных систем) и была названа «матерью всех моделей». Эта трехчастная модель была предназначена для описания процесса передачи радио и теле сигналов. Однако позднее она была адаптирована к человеческому общению и теперь известна как линейная модель коммуникации. Основные этапы коммуникации включают в себя: устное общение на основе звука / визуализации, письменные сценарии, печатный станок, обеспечивающий связь на основе электрических сигналов, радио / телевидение, обеспечивающие беспроводное массовое вещание, интернет / мобильная связь, обеспечивающие сетевое цифровое взаимодействие. Основными элементами коммуникационного процесса являются: *Отправитель* – лицо, генерирующее идею, либо собирающее информацию и передающее ее; *Сообщение* – информация, закодированная в виде символов; *Канал* – средство передачи информации; *Получатель* (реципиент) – тот, кому

предназначена информация. Одним из элементов модели является шум – все, что добавляется к сигналу между моментами его передачи и приема. Впоследствии концепция шума была распространена на все, что делает сигнал более сложным для распознавания, все, что мешает получателю сигнала декодировать его.

В 1948 г. в журнале *Bell System Technical Journal* Клод Шеннон опубликовал статью под названием «Математическая теория связи», одну из основополагающих работ в теории информации, положившей начало развитию методов обработки, хранения и передачи информации, включая ее кодирование через каналы связи, подверженные шуму. Вводится понятие информационной энтропии (энтропии Шеннона) – меры неопределенности или случайности в источнике информации. Фундаментальная проблема связи, по мнению Шеннона, заключается в том, чтобы приемник мог идентифицировать, какие данные были сгенерированы источником, на основе сигнала, который он получает через канал. Широким кругам филологов, лингвистов статья известна в изложении Р. Якобсона в работе «Лингвистика и поэтика» (1960) [Якобсон 1975].

Сегодня теория коммуникации – это самостоятельная область научного знания, предметом изучения которой являются коммуникация, ее роль и место в обществе, а также коммуникационные методы, системы, процессы и закономерности их функционирования и развития. Целый комплекс наук оказался вовлеченным в сложнейшие проблемы коммуникации: психология, лингвистика, семиотика, риторика, философия

фия, герменевтика, эстетика, поэтика, искусствознание и др., рассматривающие разные типы коммуникаций: межличностная, групповая, массовая (по составу коммуникантов – источника и получателя), в различных сферах (культурно-духовной, научной, учебной, производственной), среди людей различного возраста, пола, принадлежащих к различным народам, нациям, этносам, расам (геронтокоммуникации, гендерные, национально-этнические, межрасовые коммуникации), между различными категориями населения (молодежные, женские, религиозные), между континентами, странами, государствами и народами, территориями (межконтинентальные, межгосударственные, международные, межтерриториальные), добавим электронные, визуальные, специализированные коммуникации и особо выделим межкультурную коммуникацию, которая представляет собой возможность общения с представителями разных культур. Идея межкультурной коммуникации уходит своими корнями в глубокую древность, к первоначальным *контактам* представителей различных культур, остро ощущавших *границу* между *своим* и *чужим* [Зинченко, Зусман и др. 2010, с. 70]. Межкультурная коммуникация – это и антропоцентричная междисциплинарная наука на стыке гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. В основе межкультурной коммуникации лежит теория коммуникации.

С понятием коммуникации связано понятие «коммуникативного пространства», которое исследуется с позиции различных научных подходов. Так, по мнению Б. М. Гаспарова, «...коммуникативное пространство, в совокупности и взаимодей-

ствии всех своих аспектов, образует целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [Гаспаров 1996, с. 352].

В коммуникологии – это, как правило, среда, пространство, включающее систему многообразных коммуникативных связей, возникающих между агентами коммуникации [Шарков 2017, с. 252].

В лингвистической науке – это способ коммуникативной деятельности, языковая среда человека, пространство его разговорной речи, «зона реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего (адресанта)» [Воронцова 2009].

Н. В. Муравьева вводит понятие коммуникативного пространства человека, под которым она понимает уровень его коммуникативной компетенции: «знания и представления о том, как принято общаться в той или иной ситуации» [Муравьева 2002, с. 108].

И. В. Макарова говорит о необходимости исследования феномена коммуникативного пространства конфликта, обусловленной прежде всего тем, что любое конфликтное взаимодействие как на этапе предконфликта, так и на последующих этапах его развития и завершения осуществляется в определенном коммуникативном пространстве. Любой конфликт начинается и завершается в коммуникативном пространстве. «...конфликт является специфическим элементом структуры самой коммуникации, так как может выступать пока-

зателем проявления позиций и интересов коммуникантов, а также возникающих между ними напряжений» [Макарова 2012, с. 87].

Коммуникативное пространство представляет собой определенную среду, отличающуюся от других тем, что в ней происходит обмен смыслами между культурными единицами – индивидами или / и социальными группами [Заставенко 2021]. При этом, как отмечает В. А. Заставенко, собственно коммуникативный уровень включает в себя межличностные и групповые коммуникативные контакты, в которые вступают субъекты конфликтного взаимодействия. На этом уровне субъектами коммуникации выступают как непосредственные участники конфликта, так и другие участники, в число которых включаются те, кто поддерживает одного из оппонентов, а также подстрекатели и инициаторы [Заставенко 2021].

Коммуникационное пространство в сопоставлении с коммуникативным пространством представляет собой более широкую категорию, связанную с различием паронимов *коммуникативный* и *коммуникационный*. С одной стороны, они различаются по их значениям: прилагательное *коммуникационный* может употребляться как в значении «пути сообщения» (газовые коммуникационные линии), так и в значении «языковая передача сообщения» (информационно-коммуникационные технологии); прилагательное *коммуникативный* соотносится с существительным коммуникация только в значении «общение, связь» (коммуникативная функция языка, коммуникативные связи, коммуникативный акт). С другой стороны – это две неотожествляемые составляю-

щие коммуникации, непосредственно влияющие друг на друга. Коммуникационное пространство отличается гетерогенностью, многомерностью, многослойностью, определенной самоорганизацией. Для современного информационного общества характерно создание глобального информационного пространства и становление глобального коммуникационного пространства, глобализация коммуникационных каналов. При этом информационные технологии виртуализируют коммуникационные процессы. Появляется виртуальная коммуникация как результат трансформации коммуникационных процессов и приобретения коммуникацией новых форм [Демидова 2013; Глушко, Михайлова 2016].

Конфликтогенность как неотъемлемая черта современного коммуникационного пространства современного общества обусловлена целым рядом факторов, процессов и тенденций, наблюдаемых в обществе. И прежде всего – это тенденции к милитаризации языка как ответ на растущее количество кризисов и конфликтов в обществе, в том числе и военных.

Общество на протяжении довольно длительного времени использует в коммуникации военную терминологию и военные метафоры. Военная лексика так прочно вошла в обиход, что зачастую уже не осознается как милитаризованная [Пушина, Пушин 2020]. Привычными стали *предвыборные баталии, армия поваров, арсенал средств, мобилизация всех патриотических сил* и т.д. Еще в 2001 году А. П. Чудинов в хорошо известной монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры

(1991–2000)» писал о том, что мы часто вспоминаем поговорку «На войне как на войне». Политические деятели, партии, бизнесмены, журналисты и самые обычные граждане постоянно с кем-то воюют: наступают, идут врукопашную, обороняются, подводят мины, прячутся в окопах, занимают, оставляют или захватывают стратегические высоты.... [Чудинов, 2001]. Мало что изменилось за последние годы. Напротив, процессы милитаризации языка, а с ними и милитаризации сознания, заметно активизировались. Наблюдается тотальная милитаризация всего мирового пространства, о чем свидетельствуют данные из разных сообществ и языков: *This [superbugs] is a sophisticated **army** with astonishing **weapons**. And each time we develop something new, [bacteria] develop a **defence** for it; **killer cells**; hitting multiple **targets**; **global war** on global warming* [Wenner 2007]. То, что в начале было *торговой войной* (между США и Китаем), превращается, как кажется, в постоянный экономический армрестлинг (*bras de fer* = arm wrestling); Санкции *бьют* по Ирану; В Ливии объявлена *всеобщая мобилизация* для *отражения агрессии* извне; *Con populistas en el poder que, como Trump y Bolsonaro y Maduro y Ortega, alimentan la intolerancia y arrastran a sus troles y **soldados digitales**, la major oposicion sera siempre una **militante** cultura cívica* – когда пришедшие к власти популисты ... культивируют нетерпимость и ведут за собой своих троллей и *цифровых солдат*, лучшей оппозицией всегда будет воинствующая гражданская культура ...; ***guerra dos bones*** – война бейс-

болок (в Бразилии; имеются в виду бейсболки с лозунгами на них) [NYT].

Примечателен тот факт, что президенты Америки неоднократно «объявляли войну» по разным поводам, создавая, тем самым, военные метафоры и «милитаризуя» отдельные сферы жизнедеятельности американского общества. Так, в 1971 году, 18 июня Соединенные Штаты объявили войну наркотикам (**war on drugs**). Президент Ричард Никсон сделал соответствующее заявление на пресс-конференции, объявив наркотики врагом номер один: *America's public enemy number one in the United States is drug abuse*. И в этом же году была объявлена война с раком (**war on cancer**). А ранее в 1964 году президент Линдон Джонсон в своем обращении заявил о войне с бедностью (**war on poverty**), а затем объявил войну с преступностью (**effective war against crime**). Президент Джеральд Форд объявил войну с инфляцией (**war on inflation**), и это перечисление можно продолжить [Flusberg 2018]. А президент Дональд Трамп и во второй срок своего президентства объявляет **торговую войну и войну тарифов**.

И вот уже недавние заголовки, которые приводятся в статье С. Флусберга и др. «Военная метафора в публичном дискурсе», включающие военную метафору, вновь сообщают о войне: **the war on salad, the war on gluten, the war on soap operas, the war on leg warmers, the war on traffic congestion etc.**: *UN Declares War on Ocean Plastic; Fast Food's Secret Weapon in the War on Salad; The Plastic Bag Wars; Grocery War Looming? Analysts See Several Potential Sprouts Bidders*.

Сегодня, как заявляют авторы, модель метафоры ‘*War on X*’ настолько вездесуща, что угрожает превратиться в *reductio ad absurdum* против военных метафор в публичном дискурсе [Flusberg 2018, p. 2].

Вместе с тем военные метафоры могут быть эффективны вследствие того, что концепт войны является общедоступным, активируя в сознании фрейм противостояния двух сторон, но также и вызывая ощущение опасности и чувство страха, способствуя привлечению внимания к проблеме, что подтверждается исследованиями поведенческих реакций в зависимости от того, каким образом она преподносится, а также определяя конкретные временные рамки для её решения, поскольку война, как известно, рано или поздно заканчивается поражением одной из сторон. В то же время, военные метафоры могут оказаться неэффективными в том случае, если описываемая проблема не воспринимается как достаточно серьёзная угроза или же предлагаемая стратегия борьбы не соответствует выбранной метафоре. Кроме того, если решение конфликтной ситуации слишком затягивается, она перестаёт восприниматься в терминах военных действий [Flusberg 2018].

Войн так много и они так разнообразны, что возникает необходимость в их определенной типологизации:

кибервойны,
торговые войны,
газовые войны,
экономические войны,
политические войны,

дипломатические войны,
банковские войны,
тарифные войны,
гибридная война,
прокси война,
постмодернистская война,
цветочная война,
транзитная война,
коттеджная война,
война за молодые умы,
война слухов,
глобальная информационная война,
таможенная война,
война трубопроводов,
война с киберпреступностью,
первая технологическая война цифровой эпохи,
первая цифровая мировая война,
великая газовая война,
война с коммерсантами,
торговая битва,
экологическая война,
война нервов,
угольная война,
конфликтная война и т.д.:

Trump: «**Energy is under siege** by the Obama administration ... We are **killing, absolutely killing** out energy business in this country»; «These latest closures illustrate the problems the

White House faces with its plans to challenge «the war on coal» [Corpus of Contemporary American English]. Это иллюстрация того, на что указывалось еще в годы первого президентства Д. Трампа (2017–2021 гг.). И совсем недавно, после избрания на пост президента США в 2024 году Д. Трамп заявляет: *«Мы не хотим **потенциальной войны** с Китаем, но я могу сказать, что в том случае, если бы она началась, мы были бы очень хорошо оснащены для этого»*, – цитирует Д. Трампа The Guardian [РБК Политика].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в повседневном употреблении понимание войны изменилось. В своем основном значении **война** – это вооруженное сражение, это организованное вооруженное насилие, вооруженный конфликт; конфликт между политическими образованиями – государствами, племенами, политическими группировками, добавим, специальная военная операция, которую очень часто называют не просто конфликтом между Россией и Украиной, но и настоящей войной, и т.д. – в форме вооруженного противостояния, военных действий между их вооруженными силами. Аналогично в английской интерпретации война: 1) *armed fighting between nations*; и лишь затем приводятся другие значения: 2) *an example or period of this: When British people talk about ‘the war’ they usually mean the Second World War: He fought in both World Wars*; 3) *a struggle between opposing forces or a particular purpose: the war against disease / the oil-price war; see also CIVIL WAR, COLD WAR, PRISONER OF WAR, STAR WARS* [Longman Dictionary of English Language

and Culture 2000]. Синонимами войны являются: *сражение, битва, бой, схватка, баталия, поединок, противостояние, борьба, противоборство, междоусобица, бомбардировка, блокада, осада, обстрел, раздор, вражда, рознь, соперничество, побоище, схватка, нашествие*. В английском языке соответственно: *battle, campaign, conflict, crusade, fighting, hostilities, military action, strife, warfare* [Hawker1988].

В повседневном «обиходном» употреблении *война* означает борьбу, активные решительные действия, направленные на решение какой-то острой проблемы (экологической, газовой, финансовой, торговой, медицинской, бытовой, общественного питания и т.д.), конкуренцию, к примеру, в сфере экономики, торговли, борьбу за лидерство в той или иной сфере жизнедеятельности общества и пр. Применительно к реальности сегодняшнего дня *война* часто употребляется в своем основном значении как *вооруженное сражение, вооруженный конфликт* с огромными разрушениями, потерями, гибелью и истязанием людей.

Но прежде появилось понятие «холодная война», датой начала которой считается тот день, месяц и год, когда У. Черчилль произнес Фултонскую речь (5 марта 1946 г., Вестминстерский колледж, г. Фултон, штат Миссури, США), в которой впервые прозвучали такие выражения, как «особые отношения», «мускулы мира», «железный занавес», прозвучало и отношение к только что закончившейся Второй мировой войне, названной чудовищным мародером: «Мы с ужасом взираем на страшные разрушения, которым подверглась Ев-

ропа и значительная часть Азии. ... простым людям приходится сталкиваться с невероятными трудностями, с которыми они не в состоянии справиться. Они видят окружающий мир обезображенным, распавшимся на куски, превращенным в страшное месиво» [Черчилль 2010, с. 466]. Холодная война означала глобальное, геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние в 1946–1991 гг. между СССР и союзниками – с одной стороны, и США и их союзниками – с другой. Начался новый передел мира на сферы влияния между странами-победителями. Фултонская речь показала истинное отношение западных союзников к СССР. В 1949 году Запад создает военный блок НАТО с целью защиты от возможной агрессии со стороны СССР. Советский Союз со странами союзниками тоже образует в 1955 году в противовес западным странам свой военный союз – «Организацию Варшавского договора». Холодная война сопровождалась усиленной милитаризацией, гонкой вооружений и идеологической войной. Насколько хрупок мир в таких условиях, показал Карибский кризис, произошедший в 1962 году. Конец холодной войне положил распад Советского Союза в 1991 году. Варшавский договор прекратил свое существование. Коммунистические режимы во многих странах без поддержки СССР были смещены. Но уже в XXI веке «холодная война» возрождается как угроза (и не только) реальной войны, сопровождаемая многочисленными санкциями (экономического характера прежде всего) против России и других государств.

Сегодня риторика руководства и глав стран НАТО враждебна и милитаризована до основания, выражаясь в языке войны: *военные операции, авиабазы, подразделения бронетанковой бригады, учебно-тренировочные центры, военные базы, военные учения, штабной командный центр, многонациональные батальоны, военные поставки, военная техника, под командованием военного блока, морские и воздушные силы, переброска морских и воздушных боевых сил, космические и компьютерные силы, «оборонительный вал против русских»* и т.д. и в реальных военных действиях, прежде всего против России. Не переставая звучат угрозы в адрес России и дружественных к ней стран. Обвиняемая во всех бедах Россия признается *агрессором, злодеем, морским чудовищем, врагом* и главной *угрозой* мировой безопасности.

Следует отметить, что проблема милитаризации языка, языка войны и языка мира поднималась и обсуждалась неоднократно и отмечена в работах известных зарубежных и отечественных лингвистов как на уровне общетеоретических лингвистических вопросов, так и милитаризованной терминологии и метафористики: Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Чилтон, Т. Ван Дейк, К. Шэффнер, А. Венден, Дж. Хейдер, Н. Д. Арутюнова, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов и др. Интересно в этом отношении пособие С. Торна «Язык войны», где, в частности, представлены результаты проведенных опросов студентов и выполненных ими заданий, в которых нужно было указать слова, наиболее часто ассоциируемые с войной: *battle, shoot, kill, attack, target, combat, weapon, arsenal, gun,*

rifle, cannon, soldier, bomb, army, sword, troops, battleground, а также те слова, которые значительно реже ассоциируются с войной: bullet, enemy, shield, conflict, shotgun, caliber, shell-shocked, ballistic, retreat, conquest [Thorn 2006]. Аналогичный опрос наших студентов выявил заметные отличия, выразившиеся в более широком спектре ассоциаций, наличии патриотизма, личной сопричастности, и, что важно, особой генетической памяти о Великой Отечественной войне, великих полководцах и реалиях военного времени, военных парадов, Бессмертного полка, новом смертоносном оружии: смерть, голод, убийство, блокада, блокада Ленинграда, бомбы, траншеи, оружие, истребитель, танк, гранаты, мина, военная подводная лодка, военная спецтехника, огонь, бой, атака, осада, засада, окопы, наступление, блицкриг, взрывы, бомбардировки, разведка, военный госпиталь, ранение, боль и страдание, ампутация, посттравматический синдром, солдаты, офицеры, командир, военная форма, партизаны, армия, гарнизон, военный фронт, тыл, отряд, пехота, патриотизм, героизм, доблесть, храбрость, риск, трусость, страх, дезертирство, предательство, полицай, концлагеря, военное преступление, трибунал, отступление, поражение, пропавшие без вести, плен, военнопленные, победа, День победы, 9 Мая, слезы, награда, гордость, знамя, вера, братская могила, надежда, земля, память, прадед, дети войны, атомное оружие, оружие массового поражения, химическое оружие, гибридная война, власть, мир, Родина, Землянка, Катюша, Василий Теркин, Панфиловцы, 'Три танкиста, три веселых дру-

га’, *‘Семнадцать мгновений весны’*, Кутузов, В. Быков, *‘Завтра была война’*, *‘9 рота’*, скорбь, мужество, парад.

Такие поразительные различия в восприятии и понимании Второй мировой войны, Великой Отечественной войны имеют особое значение в год 80-летия великой Победы над фашистской Германией, над фашизмом. Тогда, когда предпринимаются попытки лживо переписать итоги войны, исказить роль Советского Союза, Красной Армии, спасших ценой почти 27 миллионов жизней мир от коричневой чумы. Такая историческая амнезия получила выражение в сочетании **«война исторической памяти»**. Как заявил наш президент, В. В. Путин: «Нам всем нужна правда и объективность». «Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой» [Путин 2020].

Язык обеспечивает нашу связь с миром и является индикатором нашего мышления и нашего поведения. Язык может представить мир и в ином, отнюдь не благовидном свете. А дискурсивные трансформации способны пробудить региональные конфликты и войны [Schäffner, Wenden 1999]. Отмечаемые тенденции к милитаризации языка являются реакцией на растущее количество кризисов и конфликтов в обществе, в том числе и военных. Конфликтогенная обстановка в мире продолжает нарастать через торговые, санкционные, информационно-психологические и гибридные войны. Так, специальная военная операция, начавшаяся 24 февраля 2022 года и имевшая цель денацификации и демилитаризации Украины еще в большей степени милитаризовала язык, наполнив его

специальными военными терминами, военными сводками, ставшими неотъемлемой частью нашей жизни.

Все новые и новые вызовы времени как будто проверяют нас на способность им противостоять. Так, начало 2020 года было отмечено эпидемией-пандемией, охватившей весь мир. 31 января Китай объявил об эпидемии коронавирусной инфекции, получившей название COVID-19. Ежедневные сообщения о вылеченных, об умерших, о заболевших звучали как фронтовые сводки: *крематории переполнены, машины везут гробы, идет война, чувствовать себя как на войне. Иран задействует вооруженные силы в борьбе с коронавирусом: «Это не каникулы, это война»: врач реаниматолог из Италии Ирина Шлычкова обратилась к россиянам. Оставайтесь дома. # Это спасает жизни. И если вы выйдете на улицу, вирус вас поразит*», – сказала она.

Особое значение приобретают **торговые войны**:

Торговая война между США и Китаем началась в конце 2017 года с введения пошлин на ряд товаров, произведенных в Китае и импортируемых США» [Лента.Ру].

Дело в том, что официальный Пекин, судя по сообщениям СМИ, решил воспользоваться случаем и напомнить о том, что **на фронтах торговой войны между Соединенными Штатами и Китаем зафиксировано всего лишь шаткое перемирие, а совсем не полноценный мир**, и что в самый неподходящий для Дональда Трампа момент **война может разразиться с новой силой**; Еще более важное внутривнутриполитическое соображение связано с тем, что сама «сделка первой

фазы» была главным и по большому счету единственным успехом республиканской администрации **на китайском фронте** [РИА Новости].

Полномасштабная **торговая война** между Китаем и США становится реальностью после того, как президент Дональд Трамп ввел тарифы более 100 % на импорт китайских товаров. Китай заявил, что будет **«сражаться до конца»**, а **не капитулировать** перед тем, что он рассматривает как принуждение со стороны Соединенных Штатов (Бен Чу BBC Verify 9 апреля 2025).

С приходом Д. Трампа в Белый Дом во второй раз актуальным стало сочетание **тарифная война**: Трамп блефует, говоря о **глобальной тарифной войне** [Репортер Новости]. Как пишет Financial Times, такой подход может стать потенциальным облегчением для рынков, охваченных тревогой по поводу **полномасштабной тарифной войны** [там же].

Милитаризация общества, сознания порождает агрессию – поведенческую и речевую. В лингвистике принято рассматривать речевую агрессию, обусловленную использованием «языковых средств для выражения неприязни, враждебности, как манеру речи, оскорбляющую чье-либо самолюбие, достоинство» [Трошева 2003, с. 340]. Для обозначения проявлений агрессии в языке применяются различные термины: «языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «языковое насилие», «язык вражды» и др.

В аспекте экологии языка «языковая агрессия» рассматривается как выражение анти-нормы, как фактор, оказываю-

щий отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, как коммуникативная стратегия в ситуации конфликта. Само выражение «языковая агрессия» может быть квалифицировано как широко распространенная «военная метафора», характеризующая явления общественной жизни [Словарь социолингвистических терминов 2006, с. 257], в которой в последнее время все активнее отмечается столкновение культурных ценностей и убеждений, и рядом с понятием культуры все чаще рассматривается понятие конфликта, культурного конфликта, конфликта культур, культурных войн и даже битвы культур, способных приводить к разрыву коммуникации. Культурные конфликты сложно разрешить, т.к. стороны расходятся в своих убеждениях. Это критическая стадия противоречий, в основе которой лежат различия в ценностно-нормативных установках, позициях, суждениях между отдельными личностями, группами, сообществами, между личностью и группой, личностью и обществом и т.п. Культурные конфликты особенно обостряются, когда речь идет о политике. Примером острого культурного конфликта являются этнические чистки, источником конфликтов становится культурная и религиозная идентичность людей. За этим часто стоят вопросы власти или статуса, социальное расслоение, конфликт поколений и т.д. [Пушина 2016].

Постоянный конфликтный фон и язык войны: *террор, взрывы, бомбежки, крушение, жертвы, пропускной режим, контроль на границе, чрезвычайная ситуация, насилие, казни, реки крови, вербовки, границы* и т. д. принимают привычный

характер и начинают подсознательно влиять на образ мышления, поведение и ограничивают возможность мирного существования. Военная лексика (военные метафоры в том числе), по мнению А. Венден, уже давно стала составной частью убеждения. Используясь в политике, религии, рекламе, медицине и т.д., она определяет войну как естественный и единственно эффективный способ решения проблем, урегулирования межконфессиональных и групповых конфликтов. Такой язык не только легитимирует войну, но и оправдывает ее, разделяя на «наших» (союзников) и «чужих» (противников), что необходимо для провокации и поддержания атмосферы враждебности [Schäffner, Wenden 1999]. По этому поводу известный французский лингвист К. Ажеж высказывается следующим образом: «У языка есть замечательная особенность — служить потаенным источником власти, и это его скрытое свойство не может не привлекать. Хотя об этом не говорят открыто, но умение пользоваться языком открывает доступ к власти. Даже когда языковые формы не свидетельствуют об этом столь красноречиво... все равно тот, кто полностью владеет языком удерживает в своих руках большую власть, чем тот, кто владеет языком нетвердо» [Ажеж 2006, с. 192].

В таких условиях язык мира уступает свои позиции. Мы являемся свидетелями того, как рушится система безопасности, сдерживания гонки вооружений, как разрываются в одностороннем порядке договоры по безопасности.

Мир — это отсутствие войны. Войны и конфликты разрушают мир. Мир может быть разрушен нищетой, стихийны-

ми бедствиями, отсутствием уважения прав человека и т.д. Мир – это концепция, основанная на созидании, а не на отрицании, это действия, которые приносят пользу.

В английском языке существуют две лексемы для обозначения того, что есть мир:

World (n) – 1) earth, globe, planet, 2) domain, field, milieu, sphere. **World** – мир, планета, земля, свет, человечество и др.

Peace (n) – 1) accord, agreement, amity, conciliation, concord, friendliness, harmony, order. **Opp Conflict**. 2) alliance, armistice, ceasefire, pact, treaty, truce. **Opp War**. 3) calmness, peace and quiet, peacefulness, placidity, quiet, repose, serenity, silence, stillness, tranquillity. **Opp Anxiety**. **Peace** – мир (after war); порядок, спокойствие (civil order); тишина (calm).

Но метафоры мира (типа *голубь мира*) не рождаются с такой быстротой, как метафоры войны. Между тем, еще древние философы, которые были свидетелями сокрушительных войн и сражений утверждали: *Мир – это свобода, основанная на признании прав всякого человека (Цицерон); Не проливать ничьей крови, обеспечить покой всему миру и мир своему веку – вот высшая доблесть (Сенека).*

Отметим, что одним из основополагающих принципов организации ЮНЕСКО провозглашается принцип – «Нести мир в сознание мужчин и женщин». А в уставе ЮНЕСКО записано: «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира. Прочный мир должен строиться на основе диалога и взаимо-

понимания, а также на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества» [UNESCO Constitution].

Однако пока еще человечество не осознало, что на этом свете нам нужен мир, а не война. А значит, язык войны по-прежнему будет давить над языком мира.

Милитаризация общества, деструктивные, конфликтогенные тенденции требуют безопасности на всех уровнях, в том числе и на уровне языка – лингвистической безопасности [Пушина, Пушин 2018].

Современный мир с его многочисленными рисками, угрозами (внешними и внутренними), террористическими опасностями, конфликтами, войнами, информационными, гибридными, прокси войнами, сепаратизмом, экстремизмом, разного рода фобиями и т.д. выдвигает все новые понятия, связанные с факторами безопасности личности, разных сфер жизнедеятельности общества и государства. Для коммуникационного пространства таким понятием становится лингвистическая (языковая) безопасность, в основе которой лежит «обеспечение сохранения и развития суверенной жизнеспособности государственной, политической, экономической, социальной, этнической, культурно-исторической и других признаков системной общности страны» [Грицко 2011, с. 65].

Лингвистическая безопасность – относительно новое понятие, не получившее пока системного описания в научной литературе. Наиболее часто понятие лингвистической безопасности обсуждается в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языкового су-

веренитета, языковой ситуации и языковой политики. А впервые, как отмечает Г. Н. Трофимова, словосочетание «лингвистическая безопасность» прозвучало из уст известного ученого, президента Гильдии экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) М. В. Горбаневского на научно-практическом семинаре «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах» в 2002 г. [Трофимова 2012, с. 25].

Безотносительно к сфере языка безопасность рассматривается в качестве важнейшего социального блага, отвечающего интересам, целям и устремлениям людей и выступающего необходимым условием нормального функционирования всего социума. Безопасность – это состояние общественных отношений, при котором личность, социальная группа, общность, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления свободно выбирать и осуществлять свою стратегию международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития, это «мера защищенности среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом» [Митрохин 1995, с. 1].

Существует множество типов безопасности: государственная, международная, политическая, военная, экономическая, энергетическая, экологическая, информационная, социальная, социокультурная, безопасность личности, национальная, гендерная, общественная, психологическая, этническая и др.

Кроме того, в зарубежной литературе отмечаются производные понятия «безопасность» – «парадигма безопасности» (*security paradigm*), «культура безопасности» (*security culture*), «управление безопасностью» (*security governance*), «геобезопасность» (*geo-security*) и многие другие. Все это свидетельствует о возрастающем интересе к такой многоаспектной и актуальной проблематике, о необходимости вырабатки нового отношения, разработки новых методов анализа и прогнозирования внешних и внутренних рисков и угроз государственным и национальным интересам в условиях современной геополитической ситуации.

Выделяют «жесткую» и «мягкую» формы безопасности. Проявлениями «жесткой безопасности», основанной на реализме, с его доминированием государства, национальных интересов и военных угроз, являются процессы ядерного вооружения и разоружения, применение концепции «сдерживания» и блоковых противостояний, связанная с этим деятельность международных правовых организаций. Появление новых аспектов в традиционном понимании безопасности, как создание условий, позволяющих раскрыться всем креативным способностям человека, обезопасить его, привело к «мягкой безопасности», функционирующей по схеме «человек-общество-государство». Большинство исследователей подчеркивают, что основное отличие «мягкой безопасности» от «жесткой» состоит в том, что в центр внимания помещается человек со всеми его проблемами, безопасность же государства достига-

ется опосредованно через безопасность отдельных граждан [Грицко 2011].

Среди исследователей, впервые обративших заинтересованное внимание на проблемы лингвистической безопасности и необходимость их осмысления и изучения, следует выделить С. Г. Тер-Минасов, которая указывает на то, что язык общедоступен – он формирует нас с детства, закладывает определенные нормы поведения, мышления и вследствие этого может быть опасен для социума. Зачастую язык, развивающийся в бытовой среде, изобилует считалочками, анекдотами, коллокациями, связанными с понятиями убийства, войны, проявлением неуважения к другим культурам и народам. Все это приводит к варваризации, воспитывает у населения ксенофобию, шовинизм и другие виды дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам [Тер-Минасова 2007].

Под лингвистической безопасностью понимается устойчивое состояние языка, при котором максимально полно обеспечивается его безопасное существование, сохранение целостности, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, несмотря на неблагоприятное внутреннее и внешнее воздействие.

Другое определение лингвистической безопасности (прагмалингвистическое) связывается с отсутствием «в развертывании текста таких стратегий, которые ведут к негативным перлокутивным эффектам в сферах знаний, чувств и устремлений основного и косвенного адресата» [Лисицкая

2009]. Данное определение перекликается с выводом, к которому приходит Г. Н. Трофимова: лингвистическая безопасность – это состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтогенность стремится к нулю, а риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту является минимальным [Трофимова 2012].

Лингвистическая безопасность рассматривается и как составная часть национальной безопасности государства.

В частности, в исследованиях Л. А. Звездина проблематика лингвистической безопасности на национальном уровне рассматривается как угроза вестернизации отечественной культуры и языка со стороны англосаксонской традиции. Под лингвистической безопасностью автором понимается обеспечение противодействия угрозам языковой идентичности, самобытности России [Звездин 2016].

Д. Джафаров соотносит понятия «языковая безопасность» и «национальная безопасность», считая, что они имеют одно и то же значение и должны пониматься как «защита языков, выражающих национальную идентичность народов» или «использование языков для защиты национальной идентичности». По мнению исследователя, обеспечение языковой безопасности означает принятие мер, направленных против сокращения числа носителей данного языка. Одной из причин того, что некоторые языки становятся мертвыми языками, является неравномерное распространение среди населения носителей этого языка. В таком случае глобализация и миграция предстают главной угрозой языковой безопасности, которая

является ключевым индикатором национальной безопасности [Jafarov 2018].

В научных публикациях по лингвистической безопасности язык чаще всего выступает в двух аспектах: как объект для разного рода угроз и как средство, способ, условие для достижения или поддержания безопасности. Иными словами, речь может идти как об обеспечении безопасности самого языка, так и о его роли в обеспечении других видов безопасности.

Процессы, указывающие на угрожающую лингвистическую обстановку, способную привести к внутригосударственным осложнениям или напряжению отношений между разными государствами, характеризуются терминами: *языковая глобализация, языковая гомогенизация, этноязыкоцентризм, языковая однополярность, лингвистический национализм, лингвистический этношовинизм (титультный и субъектный), лингвистический сепаратизм, языковая манипуляция, языковая конфронтация* и т.д. И, напротив, такие понятия, как *языковое планирование, языковые права человека, языковая терпимость, языковой ренессанс, лингвистический протекционизм, языковая компетенция, языковое разнообразие, языковая политика (перспективная и ретроспективная), экология языка* и др. являются позитивными лингвистическими процессами, отражающими положительные тенденции в развитии и взаимодействии языков, способствующими, в том числе, интенсивной культурной и политической коммуникации между народами [Грицко 2011, с. 66–67]. Опасные социолингвистические процессы, а также крайние их проявления (*лингвисти-*

ческий расизм, лингвистическая агрессия, лингвистический раскол и т.д.) могут нести угрозу национальному суверенитету государства и приводить к открытым внешним межнациональным политическим конфликтам.

Сегодня одной из главных задач и, соответственно, направлений политики лингвистической безопасности Российской Федерации на федеральном уровне является обеспечение устойчивого развития общегосударственного языка во взаимодействии с другими языками народов России. Политико-правовой основой решения этой задачи является конституция Российской Федерации, Закон «О государственном языке Российской Федерации» (1 июня 2005 г.), определяющий социальный и правовой статус государственного языка Российской Федерации как системообразующего фактора сохранения целостности государства и национального символа в международных правоотношениях. Настоящий закон направлен на укрепление позиций русского языка как государственного языка Российской Федерации. Он призван сыграть положительную роль в консолидации многонационального и многоязычного Российского государства, способствовать развитию русского языка как основы русской духовной культуры, как важнейшего средства межнационального общения народов страны. Закон закрепляет позиции русского языка в системе образования. Ценным также является направленность закона на сохранение единого общеобразовательного пространства в Российской Федерации.

В многоязычном социуме закон обязывает государство поддерживать равный статус языков и, следовательно, создавать реальные гарантии для этноязыковых меньшинств. Необходимо помнить о том, что язык каждого этноса имеет свое самобытное лицо, выражающее уникальность этого народа, является формой сохранения национальной культуры, поэтому «с разложением языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это – и символичное, и духовно опаснейшее повреждение» [Солженицын 1999, с. 977].

Проблема лингвистической безопасности России связана не только с самоидентификацией народов, населяющих ее территорию, но и с ближайшими соседями по бывшему советскому пространству, социокультурные связи со многими из которых по-прежнему сильны. На протяжении последних лет в странах ближнего зарубежья России проводится активная политика, направленная на сокращение использования русского языка в сферах государственной деятельности, экономики, науки, образования и культуры и его отмену, как и всего русского. Между тем стремительное исчезновение русскоязычного информационного пространства в этих странах, закрепляемое на государственном уровне, ведет к уничтожению многовековых языковых традиций и культуры общества.

Появившаяся на постсоветском пространстве в бывших республиках СССР тенденция к смене алфавита – замене кириллицы на латиницу, например, в Азербайджане, вот уже и в Казахстане, не исключено, что за ними последуют и другие – также не способствует сближению государств и укреп-

лению вертикали и горизонтали межгосударственных связей, в связи с чем звучат довольно резкие высказывания: «Отказываясь от кириллицы, Казахстан обнуляет свою общую с Россией историю, русскую историю, советскую историю. Новые учебники и новые книги на латинице будут написаны по-другому и о другом». «Если поторопиться с латиницей, это может помешать скорости развития нашего народа» – это позиция известного казахского поэта, писателя-литературоведа Олжаса Сулейменова. Писатель считает, что кириллица является общим культурным достоянием для тюрков кипчакской группы и славян. «Кириллицу надо осознать как ценность и от этой ценности отказываться нельзя. И об этом я писал в книге «Тюрки в доистории». Она вышла в 2001 году» [Иванцов 2017, с. 15; Пушина 2020].

Определенную угрозу представляет и тенденция по вытеснению русского языка из сфер общения по политическим, экономическим, техническим, научным и другим вопросам английским языком, так называемая англоязычная экспансия, которая во многом носит объективный характер. Однако чрезмерное употребление англоязычной лексики вместо имеющихся соответствующих языковых единиц русского языка нельзя не отметить. В профессиональной сфере все – *менеджеры, дистрибьютеры, маркетологи, дилеры, хедхантеры, хакеры* и т.д. Нас окружают сплошные *хаузы*: *таунхауз, кофехауз, обувьехауз, грильхауз* и т.д. К этим словам мы уже привыкли. Но есть еще много других, которые остаются непонятными большинству: *хэшитэг, краудфандинг, лайфхак, воркшоп*

и др. Семинары, курсы, кружки и т.п. теперь *воркшопы*, а если эти обсуждения проходят в неформальной обстановке, то – *митапы* [Майорова 2016]. Англоязычная экспансия отчетливо видна в следующих активных заменах русских лексических единиц: убийца – *киллер*, грабитель – *рэкетир*, управляющий – *менеджер*, товаровед – *мерчендайзер*, образ – *лук* (появились производные-термины: *этнолук* – *этнолукизм*), отдел – *корнер*, подписчики – *фолловеры*, направление – *тренд*, ухищрение, полезный совет – *лайфхак*, недоброжелатель, ненавистник – *хейтер*, ложь, подлог, обман – *фейк*, распродажа – *сейл*, шумиха – *хайп* (или французский *ажютаж*), домогательство – *харасмент*; *панель*, *панельные дискуссии* – публичное обсуждение, в котором группа экспертов или заинтересованные стороны обсуждают определенную тему перед аудиторией и др.²

Психологический комфорт общения зависит от степени владения лексическим составом языка, адекватностью его применения языковой личностью. Чувство коммуникативного дискомфорта возникает у языковой личности в связи с неуместным употреблением языковых единиц на лексическом

² Во время подготовки работы к печати был принят закон о защите русского языка от чрезмерного использования заимствований в публичном пространстве, направленный на защиту русского языка как государственного, снижение использования иностранных слов в публичном пространстве и обеспечение соблюдения норм современного литературного языка (Федеральный закон № 168-ФЗ от 24.06.2025 об обеспечении использования в публичном пространстве русского языка как государственного языка Российской Федерации).

уровне, что образует зоны риска в лексиконе [Черняк, Козырев 2012, с. 45]. К примеру, подтверждением возникающей угрозы лингвистической безопасности коммуникантов служит ситуация, связанная с появлением агрессивных и конфликтных наименований произведений массовой литературы последних десятилетий: *«Вкус убийства»*, *«Обреченный убивать»*, *«Налог на убийство»*, *«Мне давно хотелось убить»*, *«Сам себе киллер»*, *«Киллер из шкафа»*. Субстандартная лексика, тюремно-воровской жаргон становятся компонентами заглавий: *«Воровской общак»*, *«Бомба для братвы»*, *«Мочилов»*, *«За базар ответим»* и др. [Черняк, Козырев 2012, с. 39–40]. Тот факт, что арготизмы, жаргонизмы теперь уже не требуют «перевода» на общепринятый язык, свидетельствуют о том, что они уже вошли в речевой обиход. Особенно плодотворным оказалось слово из уголовного жаргона *тусовка*. Теперь мы можем услышать и прочесть о тусовке *политической, литературной, актерской, журналистской* [Майорова 2016].

Снижение общей культуры речи всем заметно и представляет настоящую угрозу литературному языку. Необходимо очищать язык от «речевого мусора» так же, как очищают воздух от опасных для человека токсичных веществ [Майорова 2016]. Г. Н. Трофимова предлагает при формировании текста (высказывания) обращать внимание на его способность эффективно противостоять внешним угрозам и защищать содержание от двусмысленного толкования, защищать человека, его моральное и психическое состояние от воздействия вредных языковых единиц, а для этого, по аналогии с экологиче-

ской безопасностью, необходимо установить значения предельно допустимой концентрации (ПДК) вредных языковых единиц [Трофимова 2012, с. 27].

Лингвистическая безопасность и ее проблемы обусловлены и тем, что современное вербальное общение часто связано с возникновением и развитием повышенной зоны конфликтогенности, с языковой / речевой агрессией.

С позиций эколлингвистики под речевой агрессией понимается «словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме» [Щербинина 2008, с. 15]. В целом, по мнению исследователей, в наше время происходит «смещение коммуникации в сторону неэкологичности», что подтверждается «экологическими бедствиями» (термин Д. С. Лихачева), например, такими, как наплыв иноязычных слов, стилистическое снижение речи, ее жаргонизация, вульгаризация, что отмечалось ранее, штампованность, употребление нецензурных слов и выражений, пренебрежение формулами вежливости, оскудение лексикона носителей языка. Такое смещение отражается в используемых учеными терминах: *речевая безответственность, речевая распущенность, загрязнение речевой среды, огрубление речи, коэффициент загрязненности речи (текста), речевая дигрессия, речевое убийство, речевое хулиганство, речевое воровство, речевая нечистоплотность, речевое запугивание* и др., хотя некоторые из перечисленных терминов сами не столь лингвистически «безопасны».

К данному проблемному полю также можно отнести феномен коммуникативной неудачи – любое непонимание партнерами по коммуникации друг друга, любой нежелательный, эмоциональный эффект, случаи несовпадения коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, отсутствие согласованности между программами партнеров, способному привести к речевому конфликту, который имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, угрозы, оскорбления и т.п.

Е. И. Галяшина обращает внимание на еще одну очень важную проблему лингвистической безопасности, проблему лингвистической безопасности коммуникации в современном обществе, которая становится все более актуальной не только в масштабах национальных интересов отдельных стран, но и мирового сообщества в целом, что объясняется создавшейся объективной угрозой для информационной и лингвистической безопасности электронного документооборота и устно-речевой коммуникации [Галяшина 2004]. Сегодня практически любой письменный документ на бумажном или электронном носителе или устное выступление, речевое сообщение может выступать как в качестве объекта правонарушения или преступного посягательства, так и средства правонарушения, совершаемого посредством языка и речи [Галяшина 2004]. При этом надо знать, что в уголовном кодексе Российской Федерации насчитывается более десятка статей, где преду-

смотрена уголовная ответственность за деяния, специфика которых состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности: клевета, оскорбление, призывы к противоправной деятельности, насилию и агрессии, телефонный терроризм, угрозы, шантаж, вымогательство, иные проявления словесного экстремизма.

Являясь многоаспектным понятием, лингвистическая безопасность связана как с собственно лингвистическими проблемами, относящимися преимущественно к сфере лингвистики – орфографии, орфоэпии, заимствований, грамотности речи, чистоты языка, форм существования языка и т.п., так и с проблемами междисциплинарного характера, имеющими отношение к сфере социолингвистики, психолингвистики, юрислингвистики, лингвокультурологии, герменевтики, психологии, культурологии, текстологии, политологии, международных отношений и т.д. и нуждается во внимании и в проработке как в отдельных направлениях, так и во взаимодействии всех зон ее пространственного поля.

Как отмечалось ранее, коммуникация, какой бы она ни была, во множестве случаев отмечена коммуникативными (речевыми) ошибками, нарушениями, неудачами, недоразумениями и т.д., возникающими в процессе естественного диалогического общения. Однако речевые действия, выражающиеся в форме упрека, замечания, обвинения, возражения, угрозы, оскорбления способны привести к речевому столкновению, конфликту, в основе которого лежит агрессия, выражаемая

языковыми средствами. И в этом случае мы имеем дело с конфликтной языковой личностью, применяющей речевые средства, свойственные для конфликтного дискурса, отражающего дискурсивное поведение языковой личности в кризисных ситуациях общения. С точки зрения К. Ф. Седова, коммуникативный конфликт – это «речевые ситуации, несущие в себе элементы психологического напряжения» [Седов 2002, с. 12].

При этом конфликтный дискурс допускает применение нескольких стратегий общения. Человек может занять враждебную позицию, применяя тактики агрессии, колкостей, иронии. В конфликте также возможна реализация кооперативной стратегии, направленная на гармонизацию отношений. И, наконец, говорящий может осуществить попытку психологического воздействия на собеседника, реализуя манипулятивную речевую стратегию [Лаюрова 2021].

Эффективность и успешность общения подразумевает осуществление коммуникативного намерения говорящего. При этом следует иметь в виду, что в процесс взаимодействия (межкультурного в том числе) его участники часто вступают с разными коммуникативными ожиданиями, детерминированными социальным и дискурсивным опытом своей родной культуры, а также стереотипами в отношении инокультурных партнеров по коммуникации [Гришаева, Цурикова, 2006].

Например, большое значение применительно к межкультурной коммуникации в качестве исходного требования имеет обладание коммуницирующими сторонами знанием особенностей взаимодействующих культур, владение языком ком-

муникации, транспонируемого в сферу речевых актов, таких как утверждение, просьба, вопрос, приказ, выражение благодарности, извинение, поздравление и т.д., поскольку культурная и этнокультурная вариативность находит множественные выражения именно в сфере речевых актов. Существуют значительные различия в самом наборе речевых актов и их частотности в той или иной культуре.

Так, исследователи большое внимание уделяют речевому акту «совет», широко распространенному в русском языке и русскоязычном речевом общении, что, очевидно, обусловлено коллективистским «другоцентрическим» русским языковым сознанием и общностью традиционной русской культуры [Уфимцева 1996; Козлова 2009].

Для англоязычной культуры, индивидуалистской в своей основе, данный речевой акт менее характерен: не принято давать совет, если об этом специально не просят, поскольку непрошенный совет означает вторжение в личное пространство.

Известно, что англичане и американцы предпочитают выбирать косвенную форму совета, избегая употребления императивных конструкций – *If I were you I'd...*; форму вопроса – *Have you thought of trying? ...*; а также утверждения – *I usually do it like this...*, позволяющие партнеру по коммуникации сделать собственный вывод о целесообразности поступить так, как в таких случаях обычно поступает говорящий [Козлова 2009].

Русские гораздо чаще используют прямые формы выражения совета – императивную конструкцию, глагол «*советовать*». Такое культурное различие в англоязычной культуре

обусловлено широко распространенным в речевых актах приемом недосказа, или преуменьшения (*understatement*). Данная коммуникативная конвенция была сформулирована Дж. Личем в виде максим: «используйте преуменьшение в случае разногласий в споре» и «используйте преувеличение в случае согласия» [Leech 1983, p. 132]. Прием недосказа имеет особенно широкое распространение в британской коммуникативной культуре, отражая, по-видимому, особенности мировосприятия англичан. Именно это имел в виду Джордж Майкс, противопоставляя иностранцев – континентальных жителей – англичанам, великую славянскую душу и отсутствие таковой у англичан – *The English have no soul; they have the understatement instead* [Mikes 1966]. А известный английский антрополог Кейт Фокс, анализируя скрытые правила поведения англичан, указывает на правило преуменьшения. «Англичане по праву славятся своим умением использовать преуменьшение. Согласно правилу преуменьшения, изнурительную хроническую болезнь мы называем «досадной неприятностью»; о пережитом страшном происшествии говорим: «Ну это не совсем то, что я бы для себя выбрал»; при виде захватывающей дух красоты констатируем: «Довольно мило».... Незачем говорить, что склонность англичан к преуменьшению – еще одна черта, которая многих иностранцев озадачивает и приводит в ярость (или, как мы, англичане, говорим, «несколько смущает»)» [Фокс 2008, с. 73–74; Джигоева 2014, с.18].

Помимо совета, особой культурной специфичностью обладают такие директивные акты, как просьба и приказ, реали-

зуемые побудительными высказываниями. В англоязычном сообществе наиболее частотным средством для выражения побуждения являются косвенные формы побуждения – вопросительные предложения типа *will you, would you, could you, how about, why don't we, I was wondering if I could ...* и т.д. В русскоязычном дискурсе преобладают прямые директивные высказывания (прямые директивные речевые акты) с глаголами в форме повелительного наклонения [Козлова 2009].

Отмечаются различия и в вопросительных речевых актах, в частности тех, которые выходят за рамки этически некорректных вопросов. Например, когда женщину спрашивают о ее возрасте. В англоязычной культуре принято говорить *A woman is as old as she looks: Женщине столько лет, на сколько она выглядит*, как и о мужчине – *A man is as old as he feels – Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует*. Следует иметь в виду и табуированные вопросы, например, вопросы о заработной плате.

При осуществлении вопросительного речевого акта коммуникативная неудача может быть связана с семантической ошибкой, при которой одно знаменательное слово заменяется в тексте другим, близким по звучанию, но с иным смыслом – малапропизмом (*malapropism*). Малапропизмы приводят к недопониманию в коммуникации, как в ситуации, которую описывает Б. Брайсон в своей книге *«Notes from a Small Island» («Остров ее Величества»)*. Находясь в Дувре, писатель обратился к одному из прохожих, выгуливающих рано утром свою собаку, с вопросом о ресторане, который мог

бы быть открыт в столь ранний час. Оказалось, что неподалеку находится лучшее в Кенте кафе для водителей грузовиков, о чем ему и сообщил прохожий с собакой. Однако писатель не понял того, что ему сказали, так как вместо слова «кафе», которое прозвучало как *caff*, ему послышалось «теленок» – *calf*:

The man nodded a good-morning as I drew level. 'Might turn out nice,' he announced, gazing hopefully at a sky that looked like a pile of wet towels. I asked him if there was a restaurant anywhere that might be open. He knew of a place not far away and directed me to it. 'Best transport caff in Kent,' he said.

'Transport calf?' I repeated uncertainly, and retreated a couple of paces as I'd noticed his dog was straining desperately to moisten my leg.

'Very popular with the lorry drivers. They always know the best places, don't they?' [Bryson 1998].

Отмеченные здесь различия в осуществлении и оформлении некоторых речевых актов обусловлены не только различиями в культуре, в культурных традициях, но и в ментальности, что затрудняет выработку умений переключаться в коммуникации с кода одной культуры на код другой культуры, минимизируя коммуникативные неудачи, конфликтные коммуникативные ситуации.

Максимально эффективное общение – это модель, а реальное общение не всегда соответствует модели, часто речевое взаимодействие становится неэффективным и, как следствие, возникают конфликтные ситуации.

И таких ситуаций общения, когда человек сталкивается с тем, что его слова, его желания и побуждения как-то неправильно воспринимаются собеседниками, «не доходят» до него, немало. Иногда даже складывается впечатление, что собеседник защищается от нас, наших слов и переживаний, что он возводит какие-то преграды, защитные сооружения на пути общения. В сущности, каждому человеку есть что защищать от воздействия. Коммуникация – это влияние, и изменения, вызванные коммуникацией, могут потребовать решительной перестройки всего внутреннего мира человека, вынудить к несвойственным ему действиям. Каждый будет защищаться от такой информации и делать он это будет, как утверждают психологи, твердо и решительно. Но есть большое количество таких ситуаций, когда полученная информация благотворна. Следовательно, человек должен уметь каким-то образом отличить «хорошую» информацию от «плохой», пропускать первую и останавливать вторую [Крижанская, Третьяков 1999].

Исследователями в сфере речевой конфликтологии приводится немало факторов, внимание к которым способно предупредить, минимизировать конфликтность общения. Серьезной причиной, в частности, может быть нарушение паритетности общения, правил солидарности и кооперации собеседников, что проявляется в доминировании одного из коммуникантов: один и тот же собеседник задает тему разговора, вопроса, перебивает собеседника, не дожидаясь восприятия и правильной интерпретации сказанного, превращая таким образом диалог в монолог. При этом решающую роль играют

такие факторы, как психологические черты коммуникантов, их социальный статус, эмоции, культурные навыки.

В связи с этим любопытен тот факт, что еще в 80-х годах прошлого века международная исследовательская группа под руководством Шошаны Блум-Кулка, Юлианы Хаус и Габриеле Каспер начала проект изучения того, как реализуются речевые акты извинения и просьбы в разных языках: в трех разновидностях английского (британском, австралийском и американском), канадском французском, датском, немецком, иврите и русском. Проект получил название *Cross-Cultural Speech Act Realization Patterns (CCSARP)*, а его результаты были опубликованы в 1989 году в книге, озаглавленной «Кросс-культурная прагматика: просьбы и извинения» [Уотс 2015].

Было обнаружено, что носители некоторых языков (например, иврита и русского) предпочитают более прямые реализации извинений и просьб, несмотря на то, что во всех речевых сообществах прямой или не прямой способ реализации речевых актов определяется более широким контекстом речевого события, и в этом случае прямые реализации не воспринимаются как невежливые. Отмечено, что во всех речевых сообществах конвенционализированные формы типа *Можно Вас попросить открыть окно?* и *Не могли бы Вы открыть окно?* рассматриваются как самые вежливые, тогда как намеки оцениваются по-разному: в разных культурах они размещаются выше или ниже на Шкале Вежливости. Кроме того, в речевых сообществах, ориентированных на прямую реализацию двух данных речевых актов в определенных контекстах, веж-

ливость может вводиться при помощи других элементов: ласковых слов, формульных фраз типа *пожалуйста*, маркеров нерешительности (*думаю, кажется, всего лишь*) и определенных типов дискурсивных маркеров (*ладно, ОК* и т.д.) [Уотс 2015, с. 588–589].

Известно, что в сообщениях, сосредоточенных на адресате, на первый план выходит функция регуляции его поведения, реализуемая побуждением к действию, к ответу на вопрос, запретом действия, сообщением информации и направленная на изменение намерения адресата совершить определенное действие. С данной функцией связаны цели говорящего, т.е. то, ради чего он обращается к слушающему. Исследования того, каким образом говорящий стремится воздействовать на слушающего и как слушающий воспринимает коммуникативно-побудительные намерения говорящего в 60-х годах XX в. сформировали особое лингвистическое направление – теорию речевых актов, тесно связанное с психологией общения, теорией коммуникации и лингвистической прагматикой. Теория речевых актов рассматривает высказывание в качестве акта общения и исследует его с точки зрения искренности говорящего и успешности его речевых действий.

Дальнейшее развитие теории речевых актов привело к выработке принципа кооперации (Г. Грайс) и принципа вежливости, как дополняющего принцип кооперации (Р. Лакофф, Дж. Лич), которые вновь, уже в веке 21-м, оказались в фокусе исследовательского интереса. Современные исследования по вопросам межкультурной коммуникации, диалога и конфлик-

та культур, теории коммуникации, эффективности и успешности коммуникации, понимаемой в самом широком смысле, привлекают внимание исследователей к указанным принципам и расширяют возможности их применения.

Грайсовский принцип кооперации (ПК) при разговоре содержит ограниченный набор постулатов, которых, по мнению Грайса, должны, но не всегда придерживаются участники диалога. Нарушение любого из этих постулатов заставляет адресата порождать то, что Грайс называет «импликатурами» (или предположениями), чтобы вскрыть намерения говорящего и тем самым восстановить ПК.

Грайс предлагает следующие постулаты:

а) *Постулат Количества*, согласно которому вклад говорящих в диалог должен содержать столько информации, сколько нужно для разговора, но не более.

б) *Постулат Качества*, согласно которому, говорящие должны высказать лишь то, что считают истинным или достаточно доказанным.

в) *Постулат Связи*, согласно которому вклад говорящих в диалог должен быть релевантен его общим целям.

г) *Постулат Манеры речи*, согласно которому говорящие должны избегать неясности и двусмысленности выражений и излишнего красноречия, а их вклад в разговор должен иметь упорядоченный вид [Грайс 1985].

Согласно данному принципу, участник должен вносить свой вклад в разговор так, как это требуется; на той стадии, на

которой в этом возникает необходимость, понимая цель или направление разговора, в который он вовлечен. Этот принцип, по сути дела, входит в общие правила коммуникации, требующие, чтобы участники были честными и правдивыми, а их суждения ясными, эффективными и уместными. В конечном итоге диалог должен быть процедурой доказательства: одушевленные волей к нахождению истины, подчиняясь разумным правилам, участники диалога должны прийти к согласию.

В заключение Грайс замечает, что, возможно, ПК должен быть дополнен другими постулатами, одним из которых, по его мнению, мог бы быть *Постулат Вежливости*.

Именно это замечание Грайса и подвигло лингвистов, в частности Робин Лакофф и Джеффри Лича, на попытки сформулировать недостающий постулат [Уотс 2015].

Лакофф предложила, в дополнение к синтаксическим и семантическим правилам, сформулировать прагматические правила, добавив к ПК Грайса, который она именуется «правила разговора», набор «правил вежливости», исходя из двух главенствующих правил Прагматической Компетенции, каждое из которых состоит из набора подправил: 1. Говори ясно; 2. Говори вежливо. Правило 1 (*Говори ясно*) тождественно ПК Грайса, который Лакофф переименовывает в «правила разговора». Правило 2 (*Будь вежлив*) состоит из трех подправил: 1) Не доминируй над собеседником; 2) Давай собеседнику выбор; 3) Делай собеседнику приятно – будь дружелюбен. По мнению Лакофф, правила ясности являются «разновидностью правил вежливости» [подробнее Уотс 2015].

Руководствуясь идеей прагматической оформленности высказываний, Лакофф предлагает организовывать типы вежливости в градиент от *формальной* (или *безличной*) вежливости (Не доминируй), через *неформальную* вежливость (Давай выбор) к *интимной* вежливости (Делай приятно). Если говорящий начинает высказывание с фразы «Извините, что беспокою, но...», эта часть высказывания представляет собой формальную вежливость. Если он скажет: «Вы не против, если мы закроем окно?», это будет примером формальной вежливости. Если же говорящий, перед тем как попросить об одолжении, воскликнет: «Ого! Какой у тебя классный костюм!», это будет пример интимной вежливости [Уотс 2015].

Еще ранее Лакофф утверждала, что «вежливость развивается обществами, чтобы уменьшить трения в межличностных отношениях» [Уотс 2015].

Свой подход к изучению общей прагматики Лич характеризует как «риторический», поясняя, что его интересует «эффективное использование языка» в самом широком смысле, прежде всего применительно к повседневной коммуникации.

Главной целью *Принципа Вежливости* (ПВ), по Личу, является установление и поддержание внутри некоторой социальной группы чувства взаимного уважения. ПВ регулирует «социальное равновесие и дружелюбные отношения, что позволяет предполагать в партнерах по коммуникации прежде всего кооперативность».

Согласно подходу Лича, вежливость означает минимизацию затрат и максимизацию пользы для говоряще-

го / слушающего. ПВ состоит из шести постулатов, связанных с представлениями о соотношении затрат / пользы и соответствующих ценностях:

1. *Постулат Такта* (применим только для иллокутивных функций, которые Лич классифицирует как «импозитивы», т.е. приказ, просьба, распоряжение, совет, рекомендация и т.д., и «комиссивы», т.е. обещание, клятва, предложение и т.д.): а) Минимизируй затраты для *другого*; б) Максимизируй пользу для *другого*.

2. *Постулат Щедрости* (также применим только для импозитивов и комиссивов): а) Минимизируй пользу для *себя*; б) Максимизируй затраты для *себя*.

3. *Постулат Одобрения* (применим только к иллокутивным функциям, которые Лич классифицирует как «экспрессивы», т.е. благодарность, поздравление, извинение, упрек, похвала, выражение сочувствия и т.д., и «ассертивы», т.е. утверждения, жалобы, требования, сообщения и т.д.): а) Минимизируй критику в адрес *другого*; б) Максимизируй похвалу в адрес *другого*.

4. *Постулат Скромности* (применим только к экспрессивам и ассертивам): а) Минимизируй похвалу в *свой* адрес; б) Максимизируй похвалу в адрес *другого*.

5. *Постулат Согласия* (применим только к ассертивам): а) Минимизируй несогласие между *собой и другим*; б) Максимизируй согласие между *собой и другим*.

6. *Постулат Симпатии* (применим только к ассертивам): а) Минимизируй антипатию между собой и другим; б) Максимизируй симпатию между собой и другим [Leech 1983, Уотс 2015].

В каждом из отмеченных случаев вторая часть принципа, применяется, когда этого требует иллюкутивная функция. Например, если говорящий хочет применить *Постулат Одобрения*, ему следует минимизировать критику адресата при жалобах и упреках – *Может, вы могли бы чуть меньше шуметь во время своих субботних вечеринок? Мне в выходные никак не удастся выпасться*, но максимизировать похвалу при благодарности – *Дорогая тетя Мэйбл, спасибо большое за великолепные подарки на Рождество! Вы такая заботливая!* [Leech 1983; Уотс 2015].

Постулат Такта подчиняется условию, которое Лич назвал Метапостулатом – *Не ставь других в положение, при котором им придется нарушить Постулат Такта* [Leech 1983, Уотс 2015].

Считается, что основной недостаток модели Лича состоит в том, что лингвистическая вежливость в ней рассматривается с точки зрения типов речевых актов, часть которых кажутся изначально вежливыми или невежливыми, что оставляет неясным, как конкретный участник коммуникации – речевого акта определяет степень и тип вежливости, необходимый для совершенствования того или иного речевого акта, но, как отмечает Р. Дж. Уотс, поскольку Лич постоянно подчеркивает, что его модель не ориентирована на производство вежли-

вых высказываний, подобная критика становится нерелевантной [Уотс 2015, с. 588].

Рассматривая принципы коммуникации и адаптируя их к современным условиям диалога (и к общению в целом), следует иметь в виду, что диалог не всегда заканчивается согласием даже при использовании указанных принципов.

Причиной неудачи, как считает С. Т. Махлина, может быть и низкий уровень культуры диалога, когда его правила не соблюдаются, а в речевой акт вносятся неуместные и примитивные эмоции. Но и в случаях диалога достаточно высокого уровня его участники не всегда приходят к согласию, поскольку диалог – это особая форма интеллектуального, поведенческого, предметного взаимодействия людей, в котором взаимосвязь сторон, участвующих в диалоге, может определяться в терминах действия и противодействия, партнерства и враждебности. Диалог может обладать ярко выраженным познавательным характером или вырождаться в «войну слов». При этом для успешности диалога важны не только его внутренние закономерности, но и внешние факторы, в частности интеллектуальный и социальный климат и т.д. [Махлина 2009, с. 111–114].

Кроме того, важно отметить то, что общение представляет собой неоднородное образование, в котором выделяются несколько аспектов и несколько слоев, соответственно определению функций общения: мы оказываем воздействие на собеседника, осуществляем самопрезентацию, передаем некоторую информацию, намеренно или ненамеренно реализуем определенные нормы и правила коммуникации, т.е. воплоща-

ем культурные предписания [Карасик 2021, с. 174]. При этом каждый человек входит в разные сообщества – возрастные, гендерные, профессиональные, этнические и др. – и тем самым одновременно придерживается различных культурных предписаний, и эти предписания подвержены изменениям. Возможные коммуникативные сбои, как отмечает В. И. Карасик, зависят не только от непонимания участниками общения чужих норм и правил поведения, но и от многих других привходящих причин. Автором приводится интересный пример с англичанами – работниками одного из аэропортов в Лондоне, которые считали, что обслуживающие их иммигранты из стран Юго-Восточной Азии ведут себя грубо. Эти иммигранты задавали стандартные общие вопросы с падающим интонационным тоном, и, соответственно, такие вопросы звучали как само собой разумеющиеся утверждения. Тот факт, что в родном языке иммигрантов может быть иная тоновая система, англичане во внимание не принимали. Но главное, по мнению автора, состоит в другом: вполне возможно, что эти англичане испытывали неприязнь к приезжим, даже еще не услышав от них ни слова. В этом плане, как считает В. И. Карасик, можно противопоставить два типа установок, проявляющиеся в межкультурной коммуникации: позитивные и негативные. В первом случае участники общения исходят из того, что их коммуникативные партнеры относятся к ним доброжелательно и не совпадения в тональности не свидетельствуют о каких-либо предубеждениях, во втором случае участники диалога в любом коммуникативном действии, как

вербальном, так и невербальном, находят сигналы неприязни [Карасик 2021, с.173].

В ситуации сегодняшнего дня особое значение приобретают политико-идеологические аспекты коммуникации. Откровенно негативное – недоброжелательное, агрессивное, русофобское – отношение к России зарубежных политических и государственных деятелей, информационные войны, идеологические провокации, угрозы, санкционные действия, попытки изоляции России на международной арене и т.д. трансформируют все коммуникационное пространство и нарушают порядок совместного оперирования информацией в структуре коммуникативного акта, призванного создавать среду позитивного взаимодействия, способного обеспечить благоприятный фон для реализации коммуникативных стратегий, предполагающих соблюдение границ личной сферы собеседника, позитивность в оценке других, поиск согласия для того, чтобы коммуникация получила продуктивное завершение, благожелательность как условие действия правил, защищающих речевые акты от конфликта [Грайс 1985, Leech 1983, Уотс 2015]. Враждебная и неэффективная коммуникация разрушает представление о равноправном диалоге, диалоге культур, формируя тенденции неравностатусной межкультурной коммуникации, подменяя ее монологом инофонного партнера, преследуя провокационные идеологические цели [Барышников 2021].

Таким образом, сложное по своей структуре современное коммуникационное пространство, отражающее всю многомерность и сложность общественного пространства и соци-

ума, в значительной мере характеризующееся отсутствием взаимопонимания коммуницирующих сторон, отсутствием продуктивного диалога, межэтническими конфликтами (вызываемыми в том числе миграционными процессами) и т.д., способными привести к военным столкновениям, требует самого пристального внимания при их разрешении не только к собственно коммуникативно-дискурсивному аспекту, но и к социо-культурному, психолого-коммуникативному, социо-политическому аспектам.

ГЛАВА III.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ И КОНФЛИКТЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном коммуникационном пространстве, включающем разные типы коммуникаций, межкультурная коммуникация занимает особое место. Ставшая повседневной реальностью, межкультурная коммуникация, представляет собой возможность общения с представителями разных культур. Это специфическая форма деятельности, которая требует знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д., в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации, это диалог, установление контактов, стремление понять друг друга, что неотделимо от освоения «чужой» культуры, поскольку способность одного народа осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры, индикатор прогресса культуры. И в сложном, многообразном, пестром современном мире, где процессы глобализации охватывают все сферы жизнедеятельности человека, включая культуру, где, несмотря на расширение взаимосвязей различных стран и народов, межэтнические отношения приобретают все более сложный, зачастую недружественный и даже враждебный характер, межкультурная коммуникация все же является необходимостью и не теряет своего значения.

В каждой культуре имеются свои нормы и правила поведения, свой дискурсивный стиль – «манера речи» (ведения дискурса) носителей языковой культуры, конвенции общения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов. Способы кодирования этих смыслов (не только языковые) так же, как и сами смыслы, могут существенно различаться в разных культурах, что создает проблемы в межкультурном общении, свидетельствуя о том, что в соответствующих культурах не совпадают системы социально релевантных значений и оценок или системы средств их выражения.

Базу кодовых знаний коммуникантов составляют языковые знания, определяя то, каким образом, с помощью каких средств они должны или могут оформлять свое коммуникативное намерение в определенной ситуации общения. Эти знания включают в себя: знание фонетики, лексики и грамматики языка общения; знание конвенций и норм употребления его единиц; знание принципов успешного речевого общения; знание конвенциональных языковых способов реализации речевых актов текущего дискурсивного события [Гришаева, Цурикова 2006].

Тем не менее, межкультурная коммуникация во множестве случаев отмечена коммуникативными (речевыми) ошибками, нарушениями, отклонениями, сбоями, неудачами, провалами, недоразумениями, дефектами, конфликтами и т. д. – различного рода дискомфортом, возникающим в процессе

естественного диалогического общения, рассматриваемыми в сфере речевой конфликтологии.

Наиболее емким среди рассматриваемых терминов в силу широты охватываемого явления оказывается термин «коммуникативная неудача» (КН) – любое непонимание партнерами по коммуникации друг друга, любой нежелательный, эмоциональный эффект, случаи несовпадения коммуникативных намерений говорящего и их прочтения слушающим, отсутствие согласованности между программами партнеров.

Что касается речевого конфликта, то он имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т. п.

Исследователями в сфере речевой конфликтологии приводится немало факторов, внимание к которым способно устранить или минимизировать конфликтность общения, в частности, ситуативные факторы – нарушения, связанные с ситуацией общения; контекстуальные факторы – неверная референция; продуктивные и рецептивные факторы; ритуализация живого речевого общения, препятствующая реализации коммуникативных замыслов коммуникантов; нарушение этических норм, нивелировка прагматических характеристик речи, неправильная линейная организации высказывания, создающая дискомфорт общения; синтаксические ошибки в согласовании, нанизывание падежей, усечение предложения; недоговоренность; перескакивание с одной темы на другую

и т. д. [Мельничук 2014]. С этой целью коммуникативные неудачи типологизируются.

Типология коммуникативных неудач может быть весьма разветвленной, и их классификация может проводиться по различным основаниям. Принимая во внимание разнообразие существующих определений коммуникативных неудач и их классификаций, представляется важным использовать многомерный подход к разработке типологии коммуникативных неудач, который бы учитывал такие важные критерии, как последствия коммуникативных неудач, источники, обстоятельства коммуникативных неудач [Широких 2016]:

1. Типы КН по их последствиям (явная и скрытая КН);
2. Типы КН по источникам (в аспекте вербализации);
3. КН, связанные с коммуникативной ситуацией;
4. КН, связанные со структурой коммуникативного текста;
5. КН, в которых не повинен говорящий [Агапова 2004, с. 34].

Несмотря на частные различия, исследователи сходятся в том, что коммуникативные неудачи – «вполне обычное явление в реальном человеческом общении». Они постоянны и естественны, так как непонимание, недопонимание, неумение услышать, а также и неумение выразить мысль – почти неизбежные спутники естественного общения.

Классифицируя коммуникативные неудачи по источникам, Б. Ю. Городецкий выделяет коммуникативные неудачи, причиной которых является сам коммуникант, и коммуникативные неудачи, вызванные обстоятельствами коммуникатив-

ного акта. Автор разделяет коммуникативные неудачи на глобальные и частичные. Глобальной коммуникативной неудачей называется тот случай, когда коммуникативная деятельность не реализуется, определенная стратегическая цель не достигается. Частичная коммуникативная неудача – это задержка, временный сбой в коммуникативном процессе [Городецкий 1985].

О. Н. Ермакова, Е. А. Земская, понимая под коммуникативными неудачами неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, обусловленное различными причинами, выделяют три типа коммуникативных неудач с точки зрения причин их возникновения: 1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка; 2) коммуникативные неудачи, порождаемые различиями говорящих; 3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами [Ермакова, Земская 1993]. В связи с этим уместно отметить, что недоразумение и сбой в общении могут быть обусловлены самыми разными причинами, как экстралингвистическими, так и языковыми. Например, к коммуникативным неудачам приводят и различия в картинах мира, сформированные разными культурами, и социальное «неравноправие» коммуникантов и прочие факторы.

Отдельно следует сказать о языковой компетенции, которая является частью коммуникативной компетенции – структуры, состоящей из пяти уровней:

1. Уровень психофизических особенностей личности, которые (от общего психического типа личности до устрой-

ства речевого аппарата) в значительной мере определяют речемыслительную и собственно коммуникативную способность человека, помогают успешному общению или затрудняют его.

2. Уровень социальной характеристики статуса личности (на процесс коммуникации оказывают влияние самые разнообразные социальные характеристики личности: происхождение, пол, возраст, профессия, принадлежность к определенной социальной группе, социальная роль коммуниканта).

3. Уровень культурного фонда личности – энциклопедических знаний и присвоенных ценностей. Существенные различия в культурных фондах (фоновых знаниях, пресуппозициях) участников общения обычно ведут к образованию лакун, бремя заполнения или компенсация которых ложится на коммуникативного лидера.

4. Уровень языковой компетенции личности.

5. Уровень прагматикона личности [Лагута 2000, с. 43].

Недостаточная сформированность языковой компетенции может проявляться и в неправильном выборе языковых единиц и дискурсивных стратегий, и в неправильном приписывании смыслов при восприятии речи собеседника.

Источниками КН могут быть различные части коммуникативного текста: слово, высказывание, целое речевое произведение, серия речевых произведений. С точки зрения «инструментов общения» (термин Б. Ю. Городецкого) большую роль в возникновении КН могут сыграть расхождения в орга-

низации языковых тезаурусов коммуникантов, в банке знаний о мире и т. д. Коммуникативные неудачи могут возникать на разных уровнях процесса понимания, начиная от морфологического и синтаксического анализа и заканчивая пониманием коммуникативных и практических целей собеседника. Большой список КН связан с разными этапами вербализации, в первую очередь с этапом замысла, если он не соответствует ситуационному контексту. Психосоциолингвистические особенности коммуникантов также могут служить источниками коммуникативных неудач.

Необходимо также отметить роль ситуационного и социокультурного контекстов. Ситуационный контекст определяется как набор составляющих элементов коммуникативной ситуации: время и место, степень формальности / неформальности, участники и др. Социокультурный контекст включает совокупность норм и правил поведения, характерных для данной ситуации и основанных на ценностях той культуры, которая является фоном для общения коммуникантов. Процесс коммуникации моделируется следующим образом. Один из коммуникантов передает сообщение, представленное в вербальном, а также паравербальном и невербальном кодах. Оно поступает на фильтр другого коммуниканта, каковым является его культурная картина мира. Одновременно на фильтр поступает информация по контекстуальному каналу: из социокультурного и ситуационного контекстов. Результатом становится декодирование и интерпретация сообщения, включающая умозаключения и выстраивание гипотез. При создании

сообщения также происходит учет информации, поступающей по контекстуальному каналу, и учет фоновых знаний о собеседнике. От этого зависит отбор релевантной информации для сообщения и выбор дискурсивных стратегий. При устной непосредственной коммуникации вышеописанные процедуры совершаются в режиме реального времени, для ситуаций письменной коммуникации модель может варьироваться. Письменная коммуникация всегда отсрочена во времени, она может предполагать обмен сообщениями, например, при переписке. В этом случае единственным отличием является то, что ситуационный контекст становится виртуальным, информация извлекается не из непосредственно окружающей коммуникантов обстановки, а из характеристик той деятельности и тех отношений, в которые они вовлечены. В других случаях реципиент не имеет возможности донести до автора ответную реакцию на сообщение, но мысленно такая реакция часто формулируется [Нагорняк 2013, с. 96].

Согласно Э. Холлу, в культурах «высокого контекста» важная часть информации в процессе общения должна быть извлечена из внешнего контекста ситуации или из представлений собеседников. Говорящий ожидает, что слушатель поймет его проблемы, хотя они не названы и прямо не изложены. Процесс коммуникации в этих культурах протекает экономно, быстро и эффективно, но дополнительное время затрачивается на извлечение скрытой информации. Большое значение имеет не то, что говорится, но то, как это говорится, кто говорит и что стоит за сказанным.

Необходимо учитывать тот факт, что культуры с низкой терпимостью к ситуациям неопределенности стараются минимизировать возможности их возникновения, устанавливая строгие правила для каждого типа коммуникативной ситуации. Представители таких культур сопротивляются изменениям, более эмоциональны, обладают повышенной тревожностью и меньшей терпимостью к людям с отличными от них формами поведения. Для них характерна потребность в консенсусе и слабая мотивация к жизненному успеху. Культуры с более высокой терпимостью к неопределенности в ситуациях общения более толерантны к инакомыслию и чаще побуждают своих представителей к поиску нестандартного решения той или иной проблемы. Другое измерение – дистанция власти – характеризует отношение к власти и является показателем того, насколько индивиды, наделенные малой властью, согласны с ее несправедливым распределением в обществе. В культурах с высокой дистанцией власти последняя рассматривается как основа жизни общества: способность к подчинению, послушанию рассматривается в них как одна из моральных ценностей. В культурах с низкой дистанцией власти особое значение имеет легитимность ее использования, а также уважение к правам индивида. Третье измерение – индивидуализм / коллективизм – разделяет культуры по принципу приоритетности индивидуальных или групповых целей и показывает, насколько важно для индивида быть частью коллектива. Социальные роли и статусы собеседников проявляются в разных типах контекста следующим образом. С точки зрения со-

циокультурного контекста важны два фактора: степень различия социальных статусов собеседников и характеризующая каждую из культур дистанция власти. Культурная идентичность подсказывает участникам, как каждый из них должен себя вести с учетом их социальных ролей и присущих их культуре норм вежливости [Нагорняк 2013, с. 97].

Поскольку основной формой общения в межкультурной коммуникации является диалог, коммуникативные неудачи чаще отмечаются и ярче проявляются в диалоговом общении. Именно поэтому объектом исследования большинства ученых, занимающихся проблемой возникновения коммуникативных неудач, становится диалог, в котором выявляются причины, не позволяющие инициатору общения достичь коммуникативной цели, а также проблемы отсутствия взаимодействия и взаимопонимания между участниками общения.

Одной из форм диалогового общения является интервью, в частности интервью-собеседование, во время которого могут происходить разного рода недопонимания, вызванные конфликтогенами (слова, жесты, оценки, суждения, действия или бездействия одной или обеих взаимодействующих сторон), способными привести к возникновению конфликтной ситуации и к ее перерастанию в реальный конфликт [Леонов 2005].

Вот почему особое внимание обращается на выбор корректных коммуникативных стратегий и тактик минимизирования коммуникативного диссонанса во время процедуры собеседования, которые были разработаны на основе стратегий речевого поведения в англоязычной среде [Кузьменкова

2006]: намека, уклонения, поддержки собеседника, поддержания контакта, дистанцирования.

Так, для смягчения резкости высказывания участников интервью применяется стратегия уклонения, т.е. использование средств, делающих высказывание менее прямым. К таким средствам относятся вводные фразы, формулы вежливых вопросов и ответов, безличные предложения, утверждения в форме вопросов и пр. Данная стратегия реализуется посредством следующих тактик: уклонения от ответственности, смягчения посредством вопросов, смягчения утверждений посредством представления суждения как личного мнения, представления суждения как обобщения, смягчения прямых побудительных высказываний, смягчения побуждений, представленных в форме вопроса: *In my opinion, it is his fault. – It is his fault (opinion); Well, personally, I sort of think you ought to turn to a professional manager. – My advice is to turn to a professional manager (advice); One can't tell you for certain. – Oh, I can't tell you for certain (hesitation).*

Стратегия поддержки собеседника (*overstatement*) направлена на то, чтобы придать высказыванию участника интервью-собеседования больший вес, проявить излишнюю вежливость, функция которой – показать или подчеркнуть свой интерес к партнеру по общению, отчасти в этом обнаруживается элемент неискренности, так как собеседники подразумевают меньше, чем говорят. Реализуется стратегия поддержки собеседника посредством тактики усиления значимости, тактики интенсификации, развернутой оценки и пов-

тора, тактики подчеркнутого преувеличения значимости. Например, для усиления эмоционального воздействия высказывания участником интервью используется *Thank you so much! I'm so much obliged to you! – Thank you (gratitude); I can't tell you how sorry I am! – I am sorry (sympathy); I'm extremely / awfully / so sorry (but...)... – Sorry (but...)... (apology); I'm very much afraid, I can't join you. – Sorry (but...) (refusal)*. Стратегия поддержания контакта позволяет постоянно вести беседу в нужном направлении, не выходя при этом за границы вежливости. Искусство поддержания разговора во время интервью основывается как на знании определенных правил общения, так и на знании принципов проведения интервью, его этапов, типологии вопросов, этикета поведения и т. д. Нельзя не учитывать тот факт, что британцы и американцы четко разграничивают сферы общения и строго закрепляют тематику за определенными коммуникативными ситуациями и делят (по степени серьезности обсуждения) на *small talk* и *big talk*. Например, во время собеседования можно выразить удивление *You can't be serious! / It can't be! / You must be joking!*; сочувствие *Oh dear / My God! Oh no! / Oh come on! No!*; озабоченность *Oh, it was his final interview yesterday, was it?*; проявить внимание *It was great. – Oh, yes? – I really enjoyed the interview.*

В диалоге значима и стратегия дистанцирования, согласно которой в англо-саксонской модели общения между участниками интервью сохраняется дистанция, основанная на ключевом понятии англосаксонского менталитета – *privacy*.

Сокращение дистанции может восприниматься как угроза или флирт. К тактикам дистанцирования относятся такие лексико-грамматические средства, как вопросительные конструкции, модальные глаголы, смещение временного плана, условное наклонение и др.: *Will you fill in this application form, please. – Fill in this form, please (order); I wonder if you could work under pressure? – Can you work under pressure? (request); Might it be better to take up the duties right now? – Won't it be better to take up the duties right now? (opinion).*

В ходе интервью-собеседования с представителями иной культуры одним из конфликтогенных факторов может служить некорректное проявление эмоций участников общения. Так, Ю. Б. Кузьменкова, сравнивая менталитет британцев, американцев и русских, отмечает, что в англоязычной культуре (так называемой низкоконтекстной культуре), проявление эмоций не характерно «в силу доминирующей установки на практицизм и рациональность, являющейся определяющим фактором при выборе линии поведения...» [Кузьменкова 2005, с. 172]. Известно, что сдержанность в общении, самообладание британца, неотразимая улыбка и «расположенность к собеседнику» американца являются наиболее яркими чертами их национальных культур. Русскому собеседнику, напротив, свойственна открытость, откровенность, гостеприимство, что порой вызывает недоумение, раздражение и просто непонимание со стороны англоязычных участников диалога.

В целом, русская эмоциональность воспринимается представителями британской и американской культур как

угроза «гладкому» течению интервью. Между тем, сохранение доброжелательной атмосферы является основной целью при собеседовании, что выражается в применении тактик регуляции значимости высказывания и разных типов отрицания: *I kind of think she is a bit impractical* вместо *I also think she is impractical (criticising)* или *He was somehow upset by her choice of the work* вместо *He was upset by her choice of the work (attitude)*.

Анализируя коммуникативные неудачи в различных типах дискурса, представляется возможным выявить определенную типологию по причинам их возникновения. Выделяются две основные группы причин коммуникативных неудач: лингвистические и экстралингвистические. *Лингвистические* причины возникновения коммуникативных неудач могут включать в том числе коммуникативные неудачи, порождаемые неправильным приписыванием смыслов при восприятии речи собеседника, особенности лингвистической компетенции собеседников, т.е. способности коммуникантов пользоваться арсеналом средств своего языка и узнавать лексические, синтаксические, фонологические особенности языка и манипулировать ими. К этой группе можно отнести и неспособность идентифицировать прецедентные феномены в речи собеседника. В книге журналиста, филолога М. А. Королёвой «Чисто по-русски. Говорим и пишем без ошибок» описывается ситуация, когда различное произношение названия американского штата (согласно русским или американским правилам произ-

ношения) вызывает недопонимание и даже раздражение участников диалога:

– Вот я, когда был во ФлОриде...

– Где-где? – переспрашивает собеседник.

– Во ФлОриде, – терпеливо повторяет рассказчик.

– Да почему же «во ФлОриде», – вдруг раздражается слушатель, – если правильно будет «во ФлорИде»!

– Но они там все говорят «ФлОрида»! – как будто оправдывается путешественник.

– Кто, американцы?

– Да, и американцы, и наши, которые там живут.

– Вот они пусть и говорят, а мы будем говорить «ФлорИда» [Королёва 2023].

Лингвистические коммуникативные неудачи могут возникнуть на морфологическом, синтаксическом уровнях, а также при непонимании коммуникативных и практических целей собеседника. Неумение понимать значение слов, конструкций, интонаций, неумение намечать ход развития основной мысли, неспособность определить ведущий тип речи (повествование, описание, рассуждение), а также выбрать необходимые языковые средства, формулируя мысль, все это иллюстрирует лингвистические причины возникновения коммуникативных неудач.

Иностранные выражения, пришедшие из другого языка, но довольно часто употребляемые в составе высказывания, являются одной из разновидностей лакун в тезаурусах комму-

никантов. Некоторые из них являются известными, а некоторые распространены не очень широко. Данный прием предназначен для того, чтобы добавить экспрессии высказыванию и сделать его более ярким. Но иногда собеседник может и не знать используемого выражения. Так, в одном из романов известного британского писателя XX века П. Г. Вудхауза из цикла о молодом английском аристократе Берти Вустере и его находчивом камердинере Дживсе *“Joy in the Morning”* («Радость поутру») Дживс использует латинское выражение в разговоре с молодым Вустером:

‘His idea being to collect a parcel cheap before the many-headed can horn in and spoil the market?’

*‘Precisely, sir. **Rem acu tetigisti.** ’*

‘Rem -? ’

‘Acu tetigisti, sir. A Latin expression. Literally, it means “You have touched the matter with a needle,” but a more idiomatic rendering would be - ’

‘Put my finger on the nub?’

‘Exactly, sir’ [Wodehouse 2011].

Комизм данной ситуации создает образная интерпретация латинского выражения применительно к житейской ситуации.

В американском ситкоме «Друзья» с характерными особенностями бытового дискурса, отличающегося прерывистым ходом коммуникативного акта, постоянной сменой тематики и свободным, открытым использованием невербальных средств коммуникации, где коммуниканты освобождены от

необходимости контроля за своими действиями, где процесс коммуникации происходит на более комфортном уровне, главными героями являются шестеро друзей, разные по уровню образования, социальному положению и происхождению.

Следующий фрагмент ситкома иллюстрирует ситуацию, возникшую в результате нарушения лексических норм, где сбой в общении возникает вследствие разной денотативной соотнесенности, неодинакового употребления признаков слов. Пытаясь сделать свою речь более книжной и официально-деловой, Джоуи использует словарь-тезаурус, выбирая более оригинальные и эмоционально-окрашенные синонимы к таким словам, как *warm, nice, people, big, heart*. Но неспособность разграничить семантику и стилистическую окраску слов, словосочетаний, в т.ч. терминологических, типа *humid, prepossessing, Homo sapiens, full-sized, aortic pumps* спровоцировала непонимание между Джоуи и другими участниками общения – Чендлером и Моникой, т.е. коммуникативная неудача произошла вследствие противоречащего ситуации употребления слов в речи:

Joey: *Hey. I finished my recommendation. Here. And I think you'll be very, very happy.*

Chandler: *I don't understand.*

Joey: *Some of the words a little too sophisticated for you?*

Monica: *It doesn't make any sense.*

Joey: *Well, of course it does. It's smart. I used a thesaurus.*

Chandler: *On every word?*

Joey: *Yep.*

Monica: *All right, what was this sentence originally?*

Joey: *They are warm, nice people with big hearts.*

Chandler: *And that became, “They are humid, prepossessing Homo sapiens with full-sized aortic pumps.”*

Joey: *Yeah. Yeah. And hey, I really mean it, dude.*

Monica: *All right, Joey, I don’t think we can use this.*

Joey: *Why not?*

Monica: *Well, because you signed it: “Baby Kangaroo Tribbiani.” Why don’t you stop worrying about sounding smart and just be yourself?*

Chandler: *You don’t need a thesaurus. Just write from here. Your full-sized aortic pump.*

В то же время в группе экстралингвистических причин возникновения коммуникативных неудач выделяются коммуникативные неудачи, обусловленные биолого-физиологическими данными коммуниканта, которые характеризуют общий портрет коммуниканта – его пол, возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие каких-либо физических недостатков или психических отклонений. Когда человек вступает в общение, эти характеристики могут по-особому влиять на характер протекания коммуникации. Коммуникативные неудачи могут быть обусловлены социокультурным статусом коммуниканта, который также является его постоянной характеристикой и включает в себя различные компоненты: принадлежность человека к определенному социальному слою населения, его профессию, уровень образования, место жительства, семейное положение, а также приверженность

к определенным культурным нормам и обычаям. Все эти составляющие оказывают непосредственное влияние на формирование фонда знаний и навыков, которые коммуниканты демонстрируют в процессе общения.

Как показывает материал исследования, несовпадение уровня энциклопедической компетенции и фоновых знаний у говорящего и адресата, а также текущее психологическое состояние коммуникантов может послужить причиной возникновения коммуникативных неудач, при этом большую роль в процессе коммуникации играют человеческие эмоции.

В условиях живого и естественного общения участники коммуникации неосознанно могут нарушить постулаты Принципа Кооперации Г. П. Грайса, которые являются своего рода предписаниями говорящему.

Так, в книге американского писателя Б. Брайсона *“The Road to Little Dribbling. More Notes from a Small Island”* описывается ситуация в одном из ресторанов МакДональдс в Британии, где автору пришлось остановиться чтобы перекусить несмотря на то, что у него в целом «не сложились отношения» с этим заведением, в частности с теми, кто принимает заказы. Сотрудник заведения действует согласно установленным правилам общения с клиентами, повторяя заученные фразы (*We're just told to ask like* – «У нас такие инструкции, нас так учат»), формально соблюдая правила вежливости, но без явного желания помочь. В результате писатель приходит к выводу, что еще не готов к посещению МакДональдса и общению с его сотрудниками:

And now here I was in McDonald's again for the first time since my earlier fracas. I vowed to behave myself, but McDonald's is just too much for me. I ordered a chicken sandwich and a Diet Coke.

'Do you want fries with that?' the young man serving me asked.

I hesitated for a moment, and in a pained but patient tone said: 'No. That's why I didn't ask for fries, you see.'

'We're just told to ask like,' he said.

'When I want fries, generally I say something like, "I would like some fries, too, please." That's the system I use.'

'We're just told to ask like,' he repeated.

'Do you need to know the other things I don't want? It is quite a long list. In fact, it is everything you serve except for the two things I asked for.'

'We're just told to ask like,' he repeated yet again, but in a darker voice, and deposited my two items on a tray and urged me, without the least hint of sincerity, to have a nice day.

I realized that I probably wasn't quite ready for McDonald's yet [Bryson 2016].

В одном из произведений П. Г. Вудхауза обнаруживаем еще одну возможную причину коммуникативной неудачи. Плохой слух адресата также может стать причиной нарушения канала связи в процессе диалогического общения. Непонимание дядюшки Перси с первого раза слов Вустера приводит к комическому эффекту, и чтобы переключиться с безре-

зультатного разговора о пожаре, Вустер меняет тему и интересуется делами дядюшки:

‘Oh, hullo, Uncle Percy,’ I said. ‘Good afternoon, good afternoon.’

‘What?’ he said, speaking thickly, as if the soul were bruised, as I imagine to have been the case. ‘What? What? What? What...?’

I saw that, unless checked, this was going to take some time.

‘There’s been a fire,’ I said.

‘What do you mean?’

Well, I didn’t see how I could have put it much clearer.

‘A fire,’ I repeated, waving a hand in the direction of the burning edifice, as much as to tell him to take a glance for himself. ‘How are you, Uncle Percy? You’re looking fine’ [Wodehouse 2011].

В следующих примерах источниками коммуникативных неудач послужила принадлежность к разным культурам и, соответственно, различный объем фоновых знаний собеседников. Так, во время кастинга для участия в Бродвейском мюзикле по произведению Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах», актер Джоуи, обрадованный тем, что он прошел прослушивание успешно, начинает выбирать два города, которые бы он хотел представить в рамках данного мюзикла: *It’s a musical version of Tale of Two Cities. So I think I’m gonna sing New York, New York, and ah, oh I left My Heart in San Francisco*, не зная о том, что города не нужно выбирать, а «Повесть о двух городах» – исторический роман Чарльза Диккенса, действие

которого происходит в Лондоне и Париже до и во время Французской революции (*Mr. Dickens gets to pick 'em*). В силу ограниченности своих знаний Джоуи не понимает, о чем и о ком идет речь, что является причиной коммуникативной неудачи в данном фрагменте:

Joey: *Yes! Guess who's in an audition for a Broadway musical?*

Chandler: *I want to say you but, that seems like such an easy answer.*

Joey: *It is me! It's a musical version of Tale of Two Cities. So I think I'm gonna sing New York, New York, and ah, oh I left My Heart in San Francisco.*

Ross: *Ah Joey, I don't think you get to pick the cities.*

Joey: *What?*

Ross: *Mr. Dickens gets to pick 'em.*

Joey: *Who?*

К некоторым помехам в процессе коммуникации могут также привести невербальные факторы, в частности жесты и их неправильное толкование, в особенности, если собеседники являются представителями разных национальностей. В ситкоме «Друзья» Эмили, будущая жена Росса, родилась в Англии, тогда как он американец. Она переживает по поводу подготовки к свадьбе и перечисляет проблемы, которые возникли в ходе подготовки. Чтобы остановить и успокоить будущую жену, Росс показывает жест «time-out», или «стоп, перерыв». Эмили воспринимает данный жест как оскорбление

и отвечает: *Well, up yours too*, показывая свою негативную реакцию на жест. Росс пытается еще раз обратить её внимание на жест и устранить данную коммуникативную неудачу, пояснив, что он хотел показать данным жестом *What?! No! No! That's-that's time-out*.

Emily: *...and that was all before 10 o'clock. The caterer rang and said it was going to be Chicken Kiev instead of Chicken Tarragon. And then the florist phoned to say there aren't any tulips. Oh, and the chilliest has carpal-tunnel syndrome. We're not gonna be...*

Ross: *Whoa-whoa-whoa! Emily (Gives her the time-out signal), honey, okay?*

Emily: *Well, up yours too!*

Ross: *What?! No! No! That's-that's time-out!*

Emily: *Sorry.*

К экстралингвистическим причинам возникновения неудач можно также отнести случаи, когда передаваемое сообщение искажается или собеседник не расслышал первоначальный вариант. Так, герой уже отмеченного ситкома Чендлер произносит фразу *pick a lane*, которая воспринимается Джоуи как возможное женское имя, он перестает понимать смысл доносимой информации и уточняет *Who's Elaine?*.

Chandler: *Look, Joey, Kathy is clearly not fulfilling your emotional needs. But Casey, I mean granted I only saw the back of her head, but I got this sense that she's-she's smart, and funny, and gets you.*

Joey: You got all that from the back of her head?

Chandler: All right look, I think it's time for you to settle down. Y'know? Make a choice, pick a lane.

Joey: Who's Elaine?

Данные коммуникативные неудачи обычно устраняются повторением сообщения, чтобы собеседник мог верно воспринять доносимую до него информацию:

Make a choice, pick – a – lane.

Но диалог – это не единственная форма коммуникации. Безусловно, коммуникативные неудачи могут проявляться и потенциально содержаться в монологе, просто обратная связь в данном случае несколько отсрочена.

Еще одним фактором, который может привести к возникновению коммуникативного сбоя или неудачи, является интерференция. Понятие интерференции не является новым. Появившись в сфере физики, химии, биологии, термин «интерференция» затем был заимствован в область лингвистики для обозначения взаимопроникновения языков. Работы И. А. Бодуэна де Куртене, а позже Л. В. Щербы наметили программу изучения и описания языковых контактов как процесса интерференции [Щерба].

До последнего времени понятие интерференции разрабатывалось в основном в контрастивной лингвистике, где под интерференцией понимается нарушение языковой нормы под воздействием элементов другого языка, а также процесс воздействия одного языка на другой. Имеются в виду случаи, ко-

гда человек нарушает норму языка, накладывая структуры одного языка на структуры другого языка; а также то, как этот процесс отражается на готовых текстах – области лексики, грамматики и т.п.

Явление интерференции изучается в довольно широком спектре научных дисциплин и направлений: лингвистике, социолингвистике, психологии, психолингвистике, методике преподавания иностранных языков и т.д. [Исмаилова 2022].

Психологи рассматривают интерференцию как обусловленный объективными расхождениями процесс конфликтного взаимодействия речевых механизмов в речи билингва, проявляющийся в отклонениях от закономерностей одного языка под отрицательным влиянием другого взаимодействующего языка или вследствие аналогичных внутриязыковых влияний [Жаркова].

В лингвистике под интерференцией понимается взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка, что выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного [Виноградов 1990, с. 197]; «нарушение билингвом норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [Алимов 2005, с. 17].

Это явление описывается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Е. М. Верещагин, В. А. Виноградов, В. Н. Комиссаров, Н. А. Любимова, Р. К. Миньяр-Белоручев,

Г. М. Вишневская, К. Я. Сигал, Н. Б. Мечковская,
В. В. Алимов, У. Вайнрайх, Э. Хауген и др.).

Широкое признание термин «интерференция» получил после выхода в свет монографии «Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования», опубликованной американским ученым У. Вайнрайхом. Согласно У. Вайнрайху, под интерференцией понимают «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т. е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 1979, с. 22].

По мнению Э. Хаугена, интерференция представляет собой «случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками» [Хауген 1972, с. 61].

Как отмечает Н. Б. Мечковская, интерференция языковых систем в сознании и речи двуязычного индивида представляет собой психолингвистический аналог процессу смешения языков в надындивидуальном плане [Мечковская 1996, с. 104].

В методике преподавания иностранных языков интерференция рассматривается как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта, как тормозящее влияние родного языка на изучаемый иностранный язык. Интерференция – наложения сформированных навыков на вновь формируемые со знаком минус, то же самое, что отрицательный перенос [Крейдлих 2004, с. 38]. При этом положительному переносу уделяется крайне недостаточное внимание. Между тем, чрезвычайно важно исследовать поло-

жительное воздействие владения родным языком на процесс овладения иностранным. В основе положительного переноса навыков лежит сознательное отношение к действию, понимание принципов и правил, которым оно подчиняется [Маханькова, Пушина 2007, с. 157].

Традиционно проблема интерференции, как уже отмечалось ранее, тесно связана с проблемой овладения вторым языком. Как показывают наблюдения, употребляемые многими студентами грамматические, фонетические и лексические структуры и комплексы в большей или меньшей степени носят отпечаток родного языка. Так, при изучении английского языка студенты-носители русского языка пренебрегают долготой английских гласных, имеющей смысловозначительное значение, например: *i* краткое, *i* долгое: *ship* – корабль, *sheep* – овца. В результате путешествие осуществляется на овце, а не на корабле. С определенными трудностями преодолеваются ошибки в употреблении сложных форм инфинитива, и в речи стараются подменить такие формы лексическими способами, более типичными для русского языка. Не носители английского языка часто не осознают всех оттенков значения, передаваемых модальными глаголами, различными формами сослагательного наклонения и т.д. Влияние русского языка ощущается в таких фразах: *Probably she was ill*, употребляемой вместо *She must have been ill*; *I see her little* вместо *I see little of her*; *The door did not want to open* вместо *The door would not open* и др. [Гончарова 1974, с. 85]. Зачастую прямая синтаксическая интерференция («синтаксическое калькирование») является

причиной грамматически ошибочных построений. Но существует также косвенная синтаксическая интерференция, которая выражается в построении фраз, правильных как относительно исходного смысла, так и грамматически, но неправильных стилистически [Мишланова, Пищальникова 2010, с. 266].

Поднимался вопрос типологии интерферентных явлений. Как полагает К. Я. Сигал, такая типология должна подразумевать учет, как минимум, двух аспектов: во-первых, следует установить, к какому уровню репрезентации относится данное явление в родном языке билингва; во-вторых определить, на каком уровне анализа эта интерференция обнаруживается в неродном языке, средствами которого обеспечивается данный речевой акт. «Выделенные при таком подходе типы интерферентных явлений будут охарактеризованы не только по их принадлежности тому или иному уровню языка, но и по их функциональной значимости в каждой из языковых систем» [Сигал 2006, с. 139].

Интерференция способна охватывать все уровни языка, но особенно заметна в фонетике (акцент, особенности артикуляции). По замечанию В. А. Виноградова, главным источником интерференции являются расхождения в системах взаимодействующих языков: различный фонемный состав, различные правила позиционной реализации фонем, их сочетаемости, различная интонация, различное соотношение дифференциальных и интегральных признаков, различный состав грамматических категорий и / или различные способы их вы-

ражения и т.п. [Виноградов 1990, с. 197]. Возникает множество трудностей перехода от одного языка к другому.

По-видимому, следует отметить и такой момент: на первой стадии изучения иностранного языка интерференция может выражаться не в нарушении фонологической, грамматической или даже лексико-семантической нормы, а в некотором упрощении языка. И если не уделять достаточного внимания систематической работе над расширением словарного запаса, над автоматизацией употребления тех или иных грамматических форм и конструкций, то примитивный способ выражения мыслей на иностранном языке может сохраниться надолго, а, возможно, и навсегда.

Несмотря на многочисленные случаи негативного переноса навыков и привычек родного языка на чужой, удастся положительно использовать частичное сходство языков. Так, обучая носителя русского языка употреблению артикля (определенного, неопределенного) в английском языке, можно обратить его внимание на различия, существующие в его родном языке, в котором данная категория отсутствует. То, что англичанин выражает чередованием членов системы (системы артикля), русский выражает чередованием последовательности элементов структуры предложения. Например, *The woman went out of the room.* – Женщина вышла из комнаты. *A woman went out of the room.* – Из комнаты вышла женщина. Грамматическая система навязывает тем, кто говорит на данном языке, особый способ организации речевого опыта [Гончарова 1974, с. 86].

В зависимости от «направления» интерференция может быть прямой, обратной или двусторонней; в зависимости от вида речевой деятельности – импрессивной (рецептивной) или экспрессивной (продуктивной); в зависимости от формы проявления – явной или скрытой; внутриязыковой (внутренней) или межъязыковой (внешней), интерференцией первого или второго и т.д. языка; в зависимости от результата – затрудняющей, нарушающей или разрушающей.

Не меньшее значение приобретает интерференция на уровне культур в межкультурной коммуникации. Так, О. В. Шелестова наряду с языковой интерференцией выделяет речевую (стилистическую, нормативную, узуальную), коммуникативную (ситуативную), экстралингвистическую (мимику, жесты, культурно-исторические реалии) [Шелестова 2008, с. 14]. Проявления в речи межъязыковой интерференции более очевидны и поддаются коррекции, а проявления нарушений культурных норм выражены в меньшей степени, и им не всегда уделяется должное внимание.

Культурный аспект интерференции исследуется в работах П. В. Тимачева, Н. П. Федоровой, А. В. Щепиловой и др. Так, лингвокультурная интерференция определяется П. В. Тимачевым как полное или частичное несовпадение культурных коннотаций одного языка с культурными коннотациями других языков, вступающих в контакт друг с другом. При этом источниками лингвокультурной интерференции могут быть несовпадения культурных и языковых картин мира, а также полная или частичная лакуарность в сфере культур-

ной коннотации. Культурная коннотация актуализируется в межкультурной коммуникации в эксплицитной или имплицитной форме и сопровождается коммуникативными недоразумениями. Выражаемая эксплицитно культурная коннотация (реалии) в то же время скрывает в себе определенную экстралингвистическую информацию, которая отрицательно сказывается на межкультурной коммуникации, способствуя возникновению лингвокультурной интерференции, и тем самым препятствует адекватному восприятию информации [Тимачев 2005, с. 4]. Отмечается, что лингвокультурная интерференция, как и языковая, проявляется на всех уровнях языковой системы. Однако, в отличие от языковой интерференции, проявляющейся в большей степени на начальных этапах овладения языком, лингвокультурная интерференция характерна для тех, кто владеет языком в достаточной степени для свободного общения на нем с носителем этого языка. Это объясняется тем, что на начальных этапах обучения внимание уделяется только формированию языковой, а не коммуникативной, компетенции учащихся, то есть без учета экстралингвистической действительности, стоящей за языковыми явлениями.

Лингвокультурная интерференция возникает не только между разными контактирующими языками и культурами, но и между разными культурами внутри одного языка. Возникая в межкультурной коммуникации, данные типы лингвокультурной интерференции приводят к разного рода коммуникативным недоразумениям вплоть до коммуникативных провалов.

А. В. Щепилова выделяет культурную интерференцию, которая вызвана «не самой системой языка, а культурой, которую данный язык отражает». К причинам такой интерференции автор относит сходные в разных культурах реалии, явления, нормы поведения и неодинаковые формы речевого этикета [Щепилова 2005, с. 78]. Например, коммуникант неправильно воспринимает и интерпретирует явления и события иной культуры, а также коммуникативное поведение своего собеседника, а именно: воспринимает и оценивает личность собеседника через призму принятых в родном лингвосоциуме норм и ценностей, через призму усвоенной им модели миропонимания [Гальскова 2004, с. 5]. Известно, что во Франции нет обычая благодарить хозяйку после еды, вставая из-за стола. В России же при этом отвечают: «На здоровье!». В русском языке «пожалуйста» используется как формула вежливости, имеющая нюанс значения «не за что», употребляющаяся как ответ на «спасибо». В английском и французском языках *please* и *s'il vous plaît* этих значений не имеют.

Результатом культурной интерференции может быть несоответствующая фатическая реакция со стороны русскоговорящего индивида на вопрос *How are you?* («Как поживаете?»), когда последний, как правило, начинает давать подробный ответ, описывая свое здоровье, семейные обстоятельства, успехи или неприятности на работе, в то время как английский язык, в соответствии с требованиями культуры, национального характера и менталитета, допускает практически только один ответ: *Fine, thank you* («Спасибо, хорошо»), даже

если говорящий расстроен, болен или глубоко несчастлив. Данный пример иллюстрирует употребление языка в фатической (контактоустанавливающей) функции, которая направлена на установление контакта с собеседником и не несет в себе никакой другой смысловой нагрузки. В варианте английских ответов – нежелание посвящать собеседника в свои дела, хранить свою личную жизнь при себе. В русской культуре – наоборот: если человек интересуется, почему бы не рассказать, но хвалиться не надо, можно вызвать зависть, лучше немного сгустить краски и вызвать сочувствие. У каждой культуры своя логика [Тер-Минасова 2007].

Умение коммуницировать требует от обучаемого способности ориентироваться в социальной ситуации и управлять ею. Как реалии, так и конвенции социального поведения существенно различаются в разных культурах. Русский речевой этикет заметным образом отличается от английского. Если в русском речевом этикете при поздравлении принято употреблять такой стереотип, как: «Поздравляю тебя с Новым годом!», то в английском – *Happy New Year!*.

В межкультурной коммуникации имеет значение правильное осмысление фоновой лексики – внимание к лингвострановедческой интерференции. При изучении иностранного языка и его последующем использовании в коммуникации необходимо овладение не только словом, но и типизированным образом в национальном сознании народа – носителя языка и культуры; в противном случае происходит перенос понятий одного языка на понятия другого, например: *le*

premier étage, der erste Stock, first floor – «первый этаж» вместо «второй» (в немецком, французском, английском языках), *a return ticket* – «обратный билет» вместо «билет туда и обратно», *to change trains* – «менять поезда» вместо «делать пересадку», *a single room* – «одиночная комната» вместо «номер на одного» в английском языке.

Хороший материал для знакомства с особенностями национального характера представляют собой пословицы, поскольку несут на себе отпечаток своеобразия образной системы, исторически сложившейся и отражающей многовековой опыт общения людей определенного этноязыкового коллектива и познания ими окружающей действительности. Так, паремии, имеющие в своем составе зоонимы, в силу своей оригинальной образности и ассоциативности, присущих одной лингвокультурной общности, могут представлять интерес для представителей другой лингвокультурной общности, так как основные жизненные концепты у большинства народов совпадают, но могут и различаться. Одни и те же животные могут играть неодинаковую роль в жизни разных этносов и оцениваться ими по-разному. Так, например, в русской культуре заяц считается символом трусливости и слабости (*Лучше умереть орлом, чем жить зайцем*), в то время как в китайской культуре заяц считается животным добродушным, остроумным. По мнению русских, сорока очень любит болтать и занимается злословием, что отражается в примерах: *Сорока на хвосте принесла; Всякая сорока от своего языка погибает; Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу.*

Однако в Китае образу сороки придают другое значение. *Сорока всегда приносит людям приятные новости и счастье: Поёт сорока, скоро родственники придут* и т. д. Или сказать о человеке по-русски *овца* – совсем не значит сделать комплимент, т.к. в нашей культуре это характеризует (обычно женщину) как глупую, покорную, в то время как в китайской культуре *овца* – символ красоты и совершенства [Тер-Минасова 2007]. Интересно, что в русском и китайском языках часто встречаются сходные выражения, которыми русские пользуются для описания свойств одного животного, а китайцы – другого животного. Подобные совпадения символики разных животных в двух языках не случайны. Сложившись в быту, они навсегда закрепились в языках [Ромеро Интриаго, Сяоцань Ду 2017, с. 123].

Хотелось бы отметить, что культурный компонент с точки зрения интерференции важен не только в отношении культурно-исторических реалий, не имеющих аналогов в разных языках, но и самых общих понятий. Так, Л. Виссон, указывая вслед за Э. Сепиром на то, что связь языка и культуры очевидна и неоспорима, приводит пример того, насколько различными могут быть для представителей разных языков схожие, на первый взгляд, понятия, слова и выражения в силу различия культур, в которых эти языки используются. Например, концепт «дом» неодинаков для русских и американцев, поскольку для первых это понятие включает в себя и значение «физический, материальный объект, сооружение, здание для проживания», и «домашний очаг, семья», в то время как для

последних эти понятия разводятся: для места жительства используется слово «house», а для обозначения семьи и социального понятия «дом» – *home*. Так же, как и выражение «трехкомнатная квартира», скорее всего, американцем будет воспринято как *three-bedroom apartment*, которая фактически состоит из четырех комнат [Виссон 2007, с. 16]. Это довольно простой пример, когда интерференция происходит при определенно низкой степени владения английским языком русскоговорящим индивидом. Л. Виссон приводит также пример ситуативной, стилистической (узуальной) и даже социально обусловленной интерференции в контексте двух культур. Отмечая разницу в стилях общения в зависимости от ситуации и общественного положения говорящего, Л. Виссон указывает на то, что в различных ситуациях общения (с руководителем, официантом или знакомым), русские люди в США, пытаясь говорить на «естественном» английском языке, целенаправленно запоминают определённые фразы и слова, но забывают при этом, от кого и когда они их слышали, употребляют их не к месту, вызывая, тем самым, недоумение собеседника [Виссон 2007, с. 36].

Культурная интерференция может быть не только вербального, но и невербального характера. Так, в частности, очень важно то, что в разных культурах отличаются, причем довольно значительно, социальная, личная и интимная дистанции – меняются, как правило, не только размеры дистанций, то есть количественная величина, но и их качественные характеристики. При рассмотрении интерференции важной

является принадлежность к контактной / неконтактной культуре (Э. Холл). К примеру, в неконтактных культурах типа скандинавских физическая дистанция может восприниматься и оцениваться как интимная или личная (иногда говорят: близкая), тогда как контактные культуры (израильская, латиноамериканские или арабская) ту же дистанцию сочтут социальной (нормальной). В Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнера, поскольку даже нечаянное прикосновение к голове партнера в соответствующих культурах рассматривается как серьезное нарушение этикетных норм проксеимного взаимодействия [Крейдлин 2004, с. 468].

В каждом естественном языке существуют особые выражения, обозначающие актуальное коммуникативное пространство или расстояние между участниками коммуникации, смену коммуникативных партнеров или конкретных параметров имеющейся коммуникативной среды, *ср. Подойди сюда; Сядь с ней; Не приближайся ко мне; Уходи отсюда; Не смей поворачиваться ко мне спиной!* и др. Многие из этих языковых выражений сопровождаются строго определенными жестами и позами, при этом исполнение и восприятие жестов в той же мере, что и употребление слов, связаны с пространством коммуникации. Разные коммуникативные жесты требуют разных физических дистанций между партнерами, а это предполагает в том или ином виде указание на дистанцию в лексикографическом представлении жестов [Крейдлин 2004, с. 469].

Как отмечает Г. Е. Крейдлин, проблема межкультурного соответствия жестов, или, как ее обычно называют в невербальной семиотике, проблема универсализма, тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются.

Г. Е. Крейдлин ссылается на интересный факт, подтверждающий, что каждый народ и каждая культура имеют свое «немое кино». Так, Ч. Чаплин как-то сказал: «дайте мне посмотреть, как вы двигаетесь и жестикулируете, и я сразу скажу вам, где вы родились». Неправильная интерпретация носителями одной культуры невербального сообщения, сделанного представителем другой культуры, может привести к нежелательным конфликтам и опасным последствиям. Неправильное понимание невербального поведения – один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись. Например, немногие американцы знают о том, что китайцы очень не любят, когда их трогают, хлопают по плечу и даже пожимают руку. Если бы американцы, для которых данные жесты означают близость и дружелюбие, не применяли их по отношению к китайцам, скольких обид можно было бы с легкостью избежать! [Крейдлин 2004, с. 131–132].

В русской культуре не принято класть ноги на стол, это интерпретируется как грубое неуважение к окружающим

[Прохоров, Стернин 2007, с. 156]. Русские в театре или кино-театре проходят по ряду кресел к своему месту лицом к сидящим – это культурно, уважительно – не поворачиваться спиной к сидящим; англичане же, например, проходят лицом к сцене, чтобы не нарушать *privacy* [Прохоров, Стернин 2007, с. 157].

Точное понимание смысла полученного невербального сообщения важно еще и потому, что отдельные жестовые формы, встречающиеся в разных культурах, хотя и не тождественны по значению, могут иметь в них семантически сходные интерпретации, например, жестовая форма «пожать плечами», «зажать нос».

При рассмотрении вопроса об интерференции в межкультурной коммуникации следует обращать внимание и на межкультурную омонимию. Интересен пример с кинемой кольцо (*OK, ring, zero*). В русскую культуру жестовая форма знака кольцо вошла сравнительно недавно, и ее основной областью бытования стала русская молодежная среда и сфера бизнеса. Жест «кольцо» заимствован из американской кинестетической системы, в которой имеет значение «все в порядке, все хорошо». Между тем в Японии та же форма означает «деньги», но не деньги вообще, фигурирующие в произвольно взятой ситуации, как часто неверно пишут про данный жест, а исключительно деньги, связанные с ситуацией купли-продажи. В Венесуэле эта жестовая форма относится к категории обценных: она имеет явно выраженный неприлично-сексуальный смысл, а в Тунисе форма принимает несколько иной вид – все пальцы, кроме указательного и большого, вы-

тянуты вертикально вверх – и имеет совсем другое значение «я убью тебя». В Греции и на острове Сардиния в Италии форма жеста такая же, как в США, а значение жеста можно примерно описать как «отмахнуться» [подробнее см.: Крейдлин 2004, с. 135–136]. Совсем недавно в России данный жест появился в рекламе одного из банков, но со значением нулевой комиссии при оплате услуг ЖКХ, а также при снятии денег со счета.

Общение неизменно включает как вербальные, так и невербальные компоненты, причем невербальный стимул может повлечь за собой вербальную реакцию и наоборот, культурная интерференция может проявиться на поведенческом уровне невербальными средствами. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: россиянин гостит в американской семье. Хозяйка дома приглашает гостя поужинать, тот отвечает вежливым отказом в надежде, что его будут уговаривать. Однако дальнейшего приглашения не последовало, и гость остался голодным [Баграмова, Соломина 2015, с. 52]. Другой пример, когда хозяйка дома с большим удовольствием приготовила угощение для гостей из России и предложила им попробовать и оценить ее кулинарные умения, один из гостей, не владевший английским языком на должном уровне и не обративший внимание на культурную, столь важную, составляющую языка, произнес следующую фразу *I am fed up*, что означает «по горло сыт». Разумеется, хозяйка обиделась. Последовавшие за этим извинения и пояснения в какой-то мере сгладили впечатление. Но осадок остался у всех.

Примером кросс-культурной интерференции на невербально-вербальном уровне при восприятии может послужить ситуация, когда выступление министра образования Италии в январе 2011 г. по телевидению вызвало бурную реакцию итальянцев. Причиной тому послужило яблоко, лежавшее на столе в студии («Как она смеет! Только посмотрите – яблоко! Можно подумать, что она – хороший учитель!»). Такая реакция не была поддержана ни вербально, ни невербально не носителем итальянской культуры. Е. В. Коршук объясняет это тем, что обычай дарить учителю яблоко, известный в целом ряде стран – в Италии, США, Швеции, Дании, относится к XIX веку, когда ученики в знак признательности хорошему учителю приносили маленькие подарки. И очень часто таким подарком, особенно в сельской местности, становилось яблоко. Сегодня такой обычай практически не существует, но реакцию у носителей соответствующих культур вызывает. Причем реакция зависит от типа культур, к которым относятся коммуниканты [Коршук 2011].

Культурная интерференция представляет собой результат перехода с одной культуры на другую, который происходит в межкультурном общении, или перенос в процесс общения в иной культуре элементов и правил их функционирования в родной/первичной культуре. С. Г. Тер-Минасова в книге «Язык и межкультурная коммуникация» делает следующее замечание в отношении культурных ошибок: «все мы знаем из собственного опыта, с каким добродушием встречаются ошибки в иностранных языках его носителями. Культурные

же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление» [Тер-Минасова 2000, с. 34].

Отметим, что интерференция является вмешательством элементов одной языковой системы в другую при языковом контакте, а результат этого вмешательства может быть как отрицательным, так и положительным, способствующим адекватному взаимопониманию, а также реализации эффективного коммуницирования. Внимание исследователей сосредоточено, главным образом, на явлении отрицательной интерференции, ее прогнозировании и предупреждении, так как «отрицательный» языковой материал создает определенные препятствия, тормозит процесс общения, что приводит к непониманию и коммуникативным неудачам. При интерференции с положительным эффектом для коммуникационного успеха необходимо не только овладение знаниями языка родного и иностранного, но и знаниями культурологических особенностей участников коммуникации.

Осуществляя межкультурную коммуникацию необходимо помнить о том, что ее успешность формируется межкультурной компетенцией – комплексом коммуникативно релевантных знаний о родной и других культурах, умением адекватно использовать эти знания при контактах и взаимодействии с представителями других культур, а также наличием у индивида толерантности и особой культурной чувствительности, позволяющих ему преодолевать воздействие стереотипов и адаптироваться к изменяющимся

условиям коммуникации при общении с представителями разных культур.

В последнее время все активнее отмечается столкновение культурных ценностей и убеждений, и рядом с понятием культуры все чаще рассматривается понятие конфликта. В основе конфликта лежит ситуация, включающая либо противоположные цели или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов, желаний, оппонентов и т.п. В межкультурной коммуникации конфликт есть противостояние участников общения, способное приводить к разрыву коммуникации [Зинченко, Зусман и др., 2010]. Культурный конфликт имеет место тогда, когда ожидания людей определенного поведения от других, обусловленного их культурным происхождением, не оправдываются. В свою очередь, у людей другого культурного происхождения эти ожидания совершенно иные.

Отмечая всплеск интереса к культурным аспектам конфликтов, пытаюсь ответить на поставленный вопрос о том, почему культура превратилась в один из основных факторов конфликта, описывая при этом различные культуры, Мишель Ле Барон сравнивает их с «подземными реками, которые проходят сквозь наши жизни и отношения, передавая нам сообщения, формирующие наше восприятие, атрибуции, суждения и представление о себе и других». Автор утверждает, что культурные сообщения «формируют наше понимание», когда два человека находятся в состоянии построения отношений, конфликта и мира. Ле Барон рассматривает влияние культуры

как мощного, «бессознательного фактора, способного оказать воздействие как на конфликт, так и на попытки его разрешить», убеждая в том, что влияние культуры огромно, оно определяет «то, как будет называться, интерпретироваться, протекать и развиваться» сам конфликт. Ле Барон приводит важнейшие составляющие конфликта, которые необходимо учитывать в его оценке: многослойность культуры (то, что мы видим на поверхности, не обязательно отражает суть); движение культуры (культурные группы адаптируются быстрым и иногда непредсказуемым образом); конфликты, уходящие корнями глубоко в прошлое и отражающиеся в преданиях и мифах народа, и в силу этого практически не поддающиеся трансформации (Ле Барон). Любой конфликт, по мнению Ле Барон, предполагает межличностное взаимодействие, которое происходит в контексте той или иной культуры. Однако несмотря на то, что наши обычаи, касающиеся пищи, одежды и религиозных норм различаются, «по сути мы все схожи» (Ле Барон).

В межкультурном общении причинами коммуникативных конфликтов могут выступать не только культурные различия. За этим часто стоят вопросы власти или статуса, социальное расслоение, конфликт поколений и языковые конфликты (*language conflicts*), которые довольно часто отмечаются в мультилингвальных сообществах, где языковые группы имеют неравный статус и вынуждены соперничать и даже бороться друг с другом за право доступа в государственные и образовательные институты. В качестве примера часто приводится Бельгия, где статусная борьба между французским

и голландским языками приняла политический окрас, угрожая федеративному устройству государства, политическими и этническими конфликтами. Брюссель – билингвальный город, но двуязычие общества вовсе не ведет к индивидуальному двуязычию [Charalambous, Rampton 2012].

Конфликт пока весьма далек от разрешения, проявления интереса к иной культуре, поиска точек ценностных совпадений или пересечений. Вместе с тем исследователи отмечают, что «стремление искать или избегать конфронтаций «заложено в человеческой биологии» и объединяет человека с другими животными» [Уотс 2015, с. 595]. А значит войны и конфликты с неизбежностью когда-то закончатся, «негативные последствия столкновений когда-нибудь вынудят людей жить в состоянии мира» (Эпикур), и есть надежда, что начнутся поиски примиряющего фактора, в качестве которого выступает диалог, в том числе и диалог культур, ибо только в диалоге через уникальность каждой культуры достигается понимание, возможное на основе диалогичности, и можно восстановить мир, доверие, взаимное уважение, взаимный интерес:

Всему свое время, и время всякой вещи под небом:

Время рождаться, и время умирать ...

время убивать, и время врачевать;

время разрушать, и время строить;

Время разбрасывать камни, и время собирать камни ...

Время любить, и время ненавидеть,

Время войне, и время миру

[Екклесиаст 3.1, 2, 3, 5, 8].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин Аврелий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
2. Агапова С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 282 с.
3. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – Москва: Едиториал УРСС, 2006. – 304 с.
4. Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации. – Москва: Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
5. Анцупов А. Я. Конфликтология: учебник / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Москва: Питер, 2016. – 528 с.
6. Анцупов А. Я., Баклановский С. В. Конфликтология в схемах и комментариях: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2023. – 336 с.
7. Анцупов А. Я., Прошанов С. П. История отечественной конфликтологии. Указатель 1991 диссертаций. – Москва: Проспект, 2024. – 384 с.
8. Баграмова Н. В., Соломина А. В. Роль интерлингвистических и интралингвистических процессов

- при изучении иностранного языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. – № 174. – С. 44–53.
9. Балежина Е. А. Понятие коммуникативного пространства в организации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – Вып. 4 (20). – 2014. – С.1–6.
10. Барышников Н. В. Диалог культур как миф в лингводидактике и культура диалога в межкультурной коммуникативной практике // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография. – Москва: Издательский дом ВКН, 2021. – 328 с.
11. Большаков А. Г. Конфликтология организаций: учеб. пособие. – Москва: МЗ-Пресс, 2001. – 182 с.
12. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. – 672 с.
13. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища шк., 1979. – 264 с.
14. Вахнина В. В., Мальцева Т. В., Ульянина О. А., Михайлова Т. В. Основы конфликтологии в деятельности руководителей органов внутренних дел:

- учебное пособие / под ред. В. В. Вахниной. – Москва: Академия управления МВД России, 2019. – 100 с.
15. Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 197.
 16. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. – Москва: Р. Валент, 2007. – 192 с.
 17. Воронцова Т. А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической традиции // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2009. – № 1. – С. 11–17.
 18. Гальскова Н. Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // ИЯШ. – 2004. – № 1. – С. 3–7.
 19. Галяшина Е. И. Лингвистическая безопасность речевой коммуникации [Электронный ресурс] // ГЛЭ-ДИС, 2004. – Режим доступа:
<http://www.rusexpert.ru/magazine/034.htm>
 20. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – Москва: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
 21. Глушко В. В., Михайлова Т. Л. Коммуникационное VS коммуникативное [Электронный ресурс] // Международный студенческий научный вестник. –

2016. – № 3–4. – Режим доступа:
<https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15215>
22. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>
23. Гончарова О. Н. О языковой интерференции // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков. Ученые записки. – № 274. – Пермь, 1974. – С. 83–88.
24. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 4, 64–80.
25. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
26. Грицко М. И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. – № 3 (9). – Т. 1. – 2011. – С. 63–72.
27. Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
28. Гришина Н. В. Психология конфликта. – Санкт-Петербург.: Питер, 2008. – 544 с.

29. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
30. Демидова Е. Н. Типология паронимов в научном тексте // Челябинский гуманитарий. – 2013. – № 1 (22). – С. 29–34.
31. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
32. Джигоева А. А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка. – Москва: Издательство Московского университета, 2014. – 152 с.
33. Екклесиаст // Библия. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.my-bible.info>.
34. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва: Наука, 1993. – С. 30–63.
35. Жаркова Т. И. Интерференция как один из барьеров для реализации бизнес-общения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/articles/518122>.
36. Журавлев А. Л., Вахин А. А. Социально-психологические аспекты исследования конфликта //

- Современная конфликтология в контексте культуры мира: материалы I международного конгресса конфликтологов. – Москва, 2001. – С. 357–372.
37. Заставенко В. А. Коммуникативное пространство конфликта: Теоретический анализ // Конфликтология / *nota bene*. – 2021. – № 4. – С. 81–95.
38. Звездин Л. А. К проблематике лингвистической безопасности России: философские аспекты языковой гегемонии Запада // Вестник ВГУ. – Серия: Философия. – 2016. – № 3. – С. 50–59.
39. Зиммель Г. Избранные работы. – Москва: Ника-Центр, 2006. – 440 с.
40. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И., Рябов Г. П. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии. – Москва: Флинта : Наука, 2010. – 136 с.
41. Иванова О. А. Конфликтология в социальной работе: учебник и практикум для академического бакалавриата / О. А. Иванова, Н. Н. Суртаева. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 282 с.
42. Иванцов Г. Испытания языковой графикой. Борьба латиницы и кириллицы характерна для всего мира // Удмуртская Правда. – 2017. – № 47. – С. 15.
43. Исмагилова Н. В. Морфологическая интерференция при учебном русско-английском билингвизме и способы ее преодоления // Теория и практика

- языковой коммуникации: материалы XIV Международной научно-методической конференции / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: УГАТУ, 2022. – С. 115–120.
44. Карасик В. И. Имплицитность в межкультурной коммуникации // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: коллективная монография. – Москва: Издательский дом ВКН, 2021. – С. 172–195.
45. Киндеркнехт А. С. Конфликт в исследованиях по лингвистике // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 1. – С. 45–68.
46. Козер Л. Функции социального конфликта. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – 208 с.
47. Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 189 с.
48. Козырев Г. И. Введение в конфликтологию: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 176 с.
49. Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. – Санкт-Петербург: Фонд развития конфликтологии, 2019. – 414 с.

50. Королёва М. А. Чисто по-русски. Говорим и пишем без ошибок. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 512 с.
51. Коршук Е. В. Кросс-культурная интерференция в иноязычном общении [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/26213/1/korshuk_BMW_2011.pdf
52. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
53. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. – Москва: Смысл; Академический проект, 1999. – 279 с.
54. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – Москва: ГУ ВШЭ, 2005. – 316 с.
55. Кули Ч. Общественная организация // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. Хрестоматия. – Москва: Наука, 1994. – С. 167–169.
56. Лагута (Алешина) О. Н. Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: учебный словарь терминов. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2000. – Часть 2. – 147 с.
57. Лаюрова Д. И. Речевые тактики конфликтной коммуникации в жанре «составление протокола о нарушении» // Legal Linguistics, Юрислингвистика. – 2021. – 20. – С. 14–18.

58. Левин К. Динамическая психология: избранные труды / Под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. – Москва: Смысл, 2001. – 572 с.
59. Лента.Ру [Электронный ресурс]. – 11 июня 2020 г. – Режим доступа: <https://lenta.ru>.
60. Леонов Н. И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 240 с.
61. Леонов Н. И. Конфликтология: учебное пособие. – Москва: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 232 с.
62. Леонов Н. И., Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Русско-английский учебный словарь по конфликтологии: учебное пособие. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 92 с.
63. Лисицкая Л. Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыг. гос. ун-та. – 2009. – Вып. 1. – С. 85–89.
64. Лурия А. Р. Природа человеческих конфликтов. – Москва: Когито-Центр, 2002. – 527 с.
65. Майорова А. В. Экология языка и мышления // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры: Материалы X Международной научно-практической

- конференции (5 апреля 2016, г. Краснодар). – Краснодар, 2016. – С. 141–149.
66. Макарова И. В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 87–89.
67. Маханькова Н. В., Пушина Н. И. Стратегии предупреждения интерференции родного языка в иноязычной речи // 2007 – Год русского языка в Удмуртии: материалы региональной научно-практической конференции. – Ижевск, 2007. – С. 156–159.
68. Маханькова Н. В. Условия и стратегии успешного интервью-собеседования (кросс-культурный аспект) // Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация в интеркультурном мире: материалы VI международной научно-практической конференции 14–16 апреля 2016 г. – Ижевск: ERGO, 2016. – С 345–349.
69. Маханькова Н. В. Культура диалога в интервью-собеседовании // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы I международной конференции, 14–16 апреля 2016 г.). – М.: МГПУ, 2016. – С.369–375.
70. Маханькова Н. В. Доминантные черты англоязычного и русскоязычного общения в процедуре интервью // Теория и практика языковой коммуникации: материалы VII международной научно-методической конфе-

- ренции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. Ун-т. – 2016. – С. 188–194.
71. Махлина С. Т. Словарь по семиотике культуры. – Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2009. – 750 с.
72. Мельничук Н. В. Конфликтность общения и причины коммуникативных неудач // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2014. – С. 186–188.
73. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. – Москва.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.
74. Мещерякова И. А. Опыт психологического анализа конфликтов в студенческом общении [Электронный ресурс] / И. А. Мещерякова, Е. Н. Погодина // Культурно-историческая психология / ред. В. П. Зинченко. – 2010. – № 3. – С. 29–38. – Режим доступа: <https://psyjournals.ru/kip/2010/n3/30865.shtml>
75. Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. – Москва: Стелла, 1996. – 144 с.
76. Митрохин В. И. Национальная безопасность России // Интеллектуальный мир. – 1995. – № 6. – С. 1–20.
77. Михайлова О. А. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации: учебно-методическое пособие / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова, И. В. Шалина; под общ. ред.

- О. А. Михайловой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 136 с.
78. Мишланова С. Л., Пищальникова Е. П. Синтаксическая интерференция на примере грамматической категории темпоральности при изучении английского языка как второго иностранного на базе немецкого языка // Иностранные языки в контексте культуры: сборник статей по материалам VII международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, Перм. ун-т, 23 апреля 2010 г.): в 2 т. – Т. 1: Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и лингводидактики / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – С. 264–270.
79. Муравьева Н. В. Язык конфликта. – Москва: Изд-во МЭИ, 2002. – 264 с.
80. Нагорняк А. А. Виды коммуникативных неудач в ситуациях межкультурного общения // Международный журнал экспериментального образования. Филологические науки. – 2013. – № 7. – С. 95–99.
81. Орланова А. И. Специфика развития отечественной конфликтологии // Вестник РУДН, серия Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 132–137.

82. Панов В. И. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности: монография. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 427 с.
83. Пешкова Н. П., Гилязова Д. Р. Коммуникативные конфликты и способы их решения (психолингвистический аспект проблемы) / Доклады Башкирского университета. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 2021. – Том 6. – №3. – С. 205–210.
84. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – Москва: Флинта : Наука, 2007. – 328 с.
85. Психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.b17.ru/dic/>
86. Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс] // Российская газета. 19.06.2020. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/19/75-let-velikoj-pobedy-obshchaia-otvetstvennost-pered-istoriej-i-budushchim.html>
87. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: причины, типология, стратегии минимизации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2015. – Вып. 6. – С. 28–35.

88. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Речевая конфликтология: коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2015. – 164 с.
89. Пушина Н. И. Принципы коммуникации как фактор предупреждения коммуникативных неудач в межкультурном диалоге // Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация. Материалы VI международной научно-практической конференции. – Ижевск: ERGO, 2016. – С. 231–236.
90. Пушина Н. И. Диалог культур VS конфликт культур в межкультурной коммуникации // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой международной конференции (14–16 апреля 2016 г.). – Москва: МГПУ, 2016. – С. 461–465.
91. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Лингвокультурологический анализ текста: учеб.-метод. пособие. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 168 с.
92. Пушина Н. И., Пушин О. М. Лингвистическая безопасность в современном меняющемся мире // Социальный мир человека. Вып. 8. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт

- и медиация». 5–7 апреля 2018 г., г. Ижевск / под ред. Н. И. Леонова. – Ижевск: ERGO, 2018. – С. 379–384.
93. Пушина Н. И., Пушин О. М. Язык войны vs язык мира // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – Т.30. – № 5. – 2020. – С. 820–827.
94. Пушина Н. И. О некоторых деструктивных социолингвистических процессах в языковой политике // Языковая политика и лингвистическая безопасность. Материалы IV-го Международного образовательного форума. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2020. – С. 142–149.
95. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Анатомия речевого конфликта и коммуникативных неудач: практикум. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2022. – 184 с.
96. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Культурная интерференция в межкультурной коммуникации: вербальные/невербальные аспекты // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2023. – Т. 33, вып. 4. – С. 766–774.
97. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Экология коммуникации в городском уличном пространстве: проблемы нейминга (на материале исторических и современных эргоурбанонимов г. Ижевска) // Стратегии межкультурного

- взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: Опыт и перспективы: материалы XI Международной научно-практической конференции (Ижевск, 9–10 октября 2024 г.) / отв. ред. Л. А. Юшкова. Ижевск: Удмуртский университет, 2024. – С. 185–192.
98. РБК Политика [Электронный ресурс]. – 21 марта 2025 г. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2025>.
99. Репортер Новости [Электронный ресурс]. – 23 марта 2025 г. – Режим доступа: <https://topcor.ru/news/>
100. РИА Новости [Электронный ресурс]. – 03 июня 2020 г. – Режим доступа: <https://ria.ru/>
101. Ромеро Интриаго Д. И., Сяоцян Ду. Культурная интерференция в языке // Проблемы лингвистики и лингводидактики: Международный сборник научных статей. – Вып.5. – Белгород: Издательство: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2017. – С.121–125.
102. Рубин Дж. Социальный конфликт. Эскалация, тупик, разрешение. Секреты убеждения. – Москва: Прайм-Еврознак, 2010. – 352 с.
103. Садохин А. П. Теория и практика межкультурной коммуникации. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
104. Светлов В. А. Конфликтология: учебник для вузов [Электронный ресурс]. – Москва: Издательство

- Юрайт, 2025. – 351 с. – Режим доступа:
<https://urait.ru/bcode/563085>.
105. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психологической конфликтологии // Диалог 2002: Материалы международной конференции. – Москва, 2002. – С. 76–90.
106. Сигал К. Я. Синтаксические этюды. – Москва: Академия гуманитарных исследований, 2006. – 156 с.
107. Словарь социолингвистических терминов. – Москва: Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2006. – 312 с.
108. Солженицын А. И. Слово при вручении Большой золотой медали имени М. В. Ломоносова 1998 года // Вестник Российской Академии Наук. – 1999. – Т. 69. – № 11. – С. 976–980.
109. Сухов А. Н. Социальная конфликтология. – Москва: ЮНИТИ, 2021. – 255 с.
110. Сухов А. Н. Социально-психологическая конфликтология : состояние и перспективы развития // Человеческий капитал. – 2022. – № 12 (168). – Том 1. – С. 247–256.
111. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. – Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

112. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2000. – 262 с.
113. Тимачев П. В. Лингвокультурная интерференция как коммуникативная помеха (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 17 с.
114. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения: автореферат дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.01. – Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2003. – 36 с.
115. Трофимова Г. Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 1. – С. 24–29.
116. Трошева Т. Б. Речевая агрессия // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – С. 340–343.
117. Уотс Р. Дж. Вежливость [главы из книги] // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия. Том 2. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 559–608.
118. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурные проблемы языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – Москва: Ияз РАН. – С. 139–162.
119. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – Москва: РИПОЛ классик, 2008. – 432 с.

120. Хасан Б. И. Психология конфликта и переговоры: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Б. И. Хасан, П. А. Сергоманов. – Москва: Издательский центр «Академия», 2004. – 192 с.
121. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – Москва, 1972. – С. 61–80.
122. Черняк В. Д., Козырев В. А. Современная языковая ситуация и речевая культура. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 105 с.
123. Черчилль У. Мускулы мира. – Москва: Эксмо, 2010. – 528 с.
124. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
125. Шарков Ф. И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. – Москва: «Дашков и К», 2017. – 766 с.
126. Шелестова О. В. Способы предупреждения и преодоления интерференции при изучении неродственных языков (на примере английского и арабского языков) // Казанский педагогический журнал. – 2008. – № 5. – С. 14–20.
127. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. – Москва: ВЛАДОС, 2005. – 245 с.

128. Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Петроград, 1915. – Т. 1. С приложением текстов. – С. 176. [Электронный ресурс] / Internet Archive. – Режим доступа: <https://archive.org>.
129. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.
130. Шильцова Ю. В. К вопросу о пионерах в области развития отечественной конфликтологии [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2020. – № 33 (323). – С. 81–83. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/323/73015/>
131. Широких Е. А. Причины коммуникативных неудач в Интернет-дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». - 2016. – Вып. 6. - С. 86–92.
132. Широких Е. А. Причины коммуникативных неудач в Интернет-форуме // Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация: Материалы VI международной научно-практической конференции. – Ижевск: ERGO, 2016. – С.270–275.
133. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – Москва: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
134. Якубович Д. О. Речевой конфликт как разновидность речевого взаимодействия [Электронный ресурс] // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. – Вып. 5: в 2 ч. – Ч. 2. – Минск: «Белорусский Дом печати»,

2011. – С.29–32. Режим доступа:
<http://elib.bsu.by/handle/123456789/52747>
135. Bryson B. Notes from a Small Island. – London: Black Swan, 1998. – 352 p.
136. Bryson B. The Road to Little Dribbling. More Notes from a Small Island. – London: Black Swan, 2016. – 476 p.
137. Charalambous C., Rampton B. Other language learning, identity and intercultural communication in contexts of conflict // The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication. – London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2012. – P. 195–210.
138. Corpus of Contemporary American English (COCA); British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.english-corpora.org>.
139. Dance F., Larson C. The Functions of Human Communication: A Theoretical Approach. – New York: Holt, Rinehart & Winson, 1976. – 206 p.
140. Flusberg S. J., Matlock T., Thibodean P. H. War metaphors in public discourse // Metaphor and Symbol, 2018. – Vol. 33. – No. 1. – P. 1–18.
141. Hawker S. The Oxford Popular Thesaurus. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 498 p.
142. Jafarov J. Language Safety in the Context of National Security // Bulgarian Historical Review. – 2018. – P. 206–213.
143. Leech J. Principles of Pragmatics. – Longman, 1983. – 250 p.

144. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow, Essex, England: Longman, 2000. – 1568 p.
145. Makhankova N., Troinikova E. The Model of Training Students for Intercultural Interaction in Foreign Language Education // Children and Schools. – Issue 4 (2), (October). – Volume 39. – Oxford University Press, 2017. – P. 1304–1311.
146. Mikes G. How to be an Alien. – London: Penguin Books Ltd., 1966. – 88 p.
147. New York Times (NYT) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com>.
148. Schäffner C., Wenden A. Language and Peace. – Amsterdam: Harwood Academic Press, 1999. – P. 78–84.
149. Thorn S. The Language of War. – London: Intertext, 2006. – 122 p.
150. UNESCO Constitution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.portal.unesco.org](http://www.portal.unesco.org).
151. Wenner M. A War against War Metaphors [Электронный ресурс] // The Scientist. – April 1, 2007. – Режим доступа: <https://www.the-scientist.com/a-war-against-war-metaphors-46604>.
152. Wodehouse P. G. Joy in the Morning. – W. W. Norton & Company, 2011. – 272 p.

Научное издание

Пушина Наталья Иосифовна
Маханькова Наталья Владимировна
Широких Елена Александровна

**Коммуникативные неудачи и конфликты в современном
коммуникационном пространстве**

Монография

Тех. редактор, корректор: Е. А. Широких
Оригинал-макет: Е. А. Широких

Авторская редакция

Подписано в печать 14.07.2025. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 10,0. Уч. изд. л. 9,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 1122.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел. : + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18